

ОТ АВТОРА РОМАНА «ЛЕГЕНДА»

МЭРИАЮ

ОНИ ВЫЖИЛИ.
И ХОДЯТ СЛУХИ, ЧТО У НИХ ПРОЯВЛЯЮТСЯ
ТАИНСТВЕННЫЕ СВЕРХСПОСОБНОСТИ.
ИХ НАЗЫВАЮТ

МОЛОДАЯ
ЭЛИТА

Аделина Амотеру переболела кровавой лихорадкой и выжила. Много лет назад эта смертельно опасная болезнь свирепствовала по всей стране. Выживали в основном дети, но болезнь оставляла на них странные отметины. Черные волосы Адерины стали серебристыми, ресницы выщвели, а на месте левого глаза остался безобразный шрам. Ее жестокий отец уверен, что она «меченая», уродица, которая запятнала доброе имя семьи и отвратила удачу. Однако кровавая лихорадка наградила выживших не только шрамами и увечьями. Ходят слухи, что у них проявляются таинственные сверхспособности. Их называют Молодой Элитой. Но никто не знает имен этих людей.

Терен Санторо — Главный Инквизитор. Свою задачу он видит в том, чтобы выявить принадлежащих к Молодой Элите и уничтожить их раньше, чем они разрушат государство. Но тайна, окутывающая самого Терена, куда мрачнее и страшнее тайн тех, кого он считает своими врагами.

Энцо Валенчиано возглавляет Общество Кинжала, все члены которого принадлежат к Молодой Элите. Найдя Аделину, Общество Кинжала понимает, что своей силой она может превзойти их всех.

Аделина хочет верить, что Энцо — на ее стороне, а ее настоящим врагом является Терен. Сердце Адерины наполнено мстительной тьмой. Ею владеет желание уничтожать всех, кто встает у нее на пути.

Впервые на русском языке!

Мэри Лю

Молодая Элита

Моей тете Ян Линь — за все, что ты делаешь для меня

Marie Lu
THE YOUNG ELITES
Copyright © 2014 by Xiwei Lu

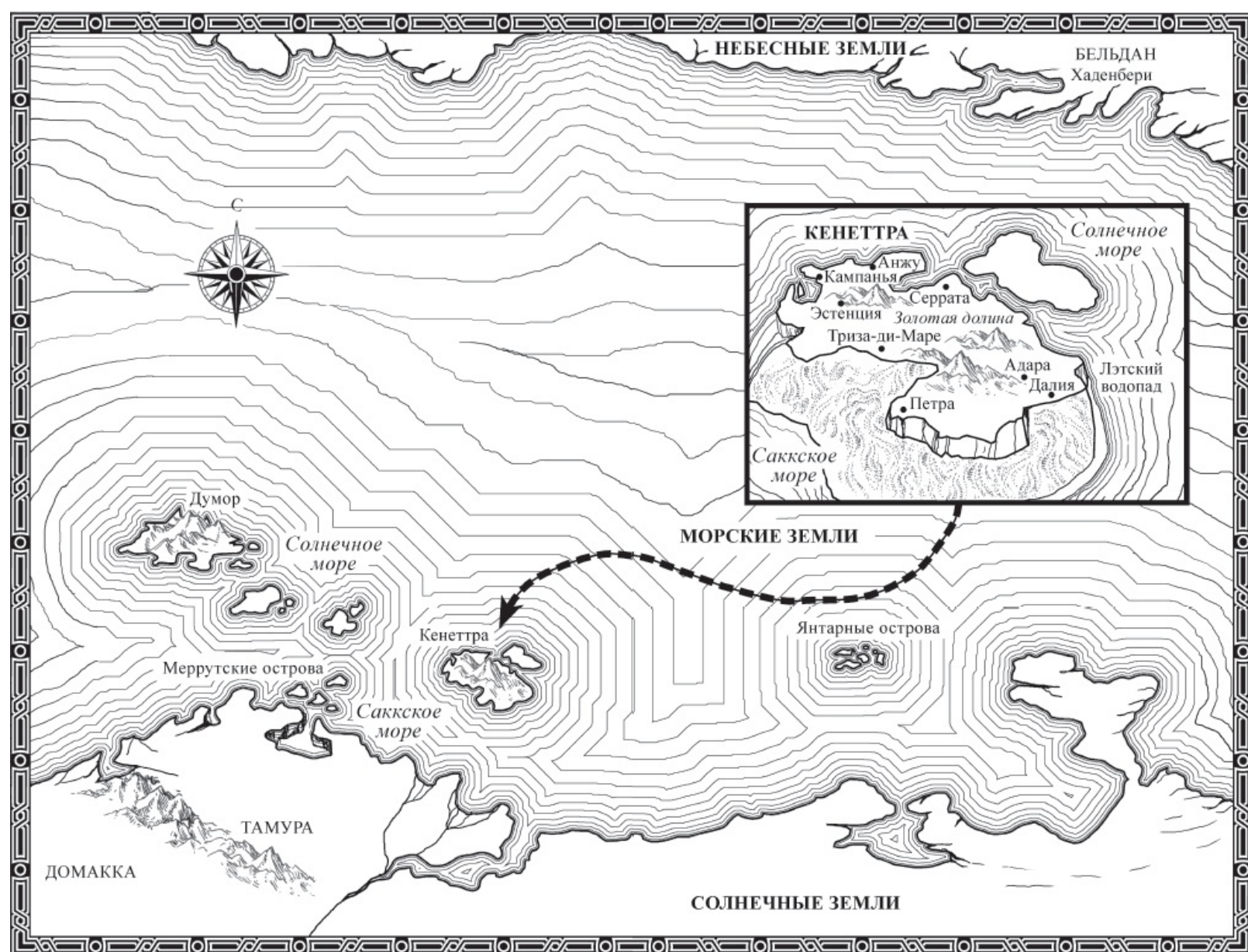
© И. Иванов, перевод, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

Мэри Лю — автор сверхпопулярной серии романов «Легенда». Окончив Южно-калифорнийский университет, Лю сразу погрузилась в индустрию видеоигр, начав работать флеш-аниматором в «Disney Interactive Studios». Сейчас она целиком посвятила себя литературе, а в свободное время читает, рисует, играет в «Assassin's Creed» и стоит в пробках. Она живет в Лос-Анджелесе (где пробки — обычное явление) с мужем, чихуа-хуа-миксом и двумя вельшкорги.

Урожай смерти у нас исчисляется четырьмя сотнями. Искренне надеюсь, что у вас картина не столь печальна. По причине карантина в городе отменили празднества Дня Веснолуния, а традиционные маскарад и пиршество были чисто символическими.

Дети, что лежат в нашей палате, оправляются от болезни, но при этом обнаруживают странности, которым я не нахожу объяснения. Так, у одной девочки, гордившейся своими золотистыми волосами, они буквально за ночь стали черными. У шестилетнего мальчика на лице вдруг сами собой появились шрамы. Наши врачи весьма напуганы всем этим. Любезный господин доктор, если и в вашей больнице наблюдается нечто подобное, покорнейше прошу меня известить. Чувствую, что я столкнулся с неизвестными доселе явлениями, которые мне не терпится исследовать.

Из письма доктора Сириано Бальо

доктору Марино Ди Сенья

13 абри 1348 г.

Юго-Восточная часть Далии. Кенеттра

13 юно 1361 года

Далия

Южная Кенеттра

Морские земли

Кто-то нас ненавидит, считая, что нам самое место на виселице.

Кто-то нас боится, считая, что мы демоны и потому должны быть преданы сожжению.

Кто-то нам поклоняется, считая нас детьми богов.

Но нас знают все.

Неизвестный автор из круга Молодой Элиты

Завтра утром я умру.

Так мне всякий раз говорят инквизиторы, приходя в мою камеру. Я здесь уже не первую неделю. Единственный способ измерять время — считать, сколько раз мне приносили еду, что я и делаю.

Один день. Два дня.

Четыре дня. Неделя.

Две недели.

Три.

После этого я перестала считать. Часы тянутся нескончаемой вереницей, бессмысленной и никчемной. Скучный свет то слабеет, то усиливается. Влажный камень моей камеры вызывает у меня то больше, то меньше дрожи. В еще сохраняющихся участках рассудка мелькают бессвязные мысли.

Но завтра меня не станет. Мне сказали, что больше задержек не будет. Меня сожгут у позорного столба на центральной рыночной площади. Желаящих поглазеть, как я умираю в огне, окажется предостаточно. Инквизиторы сообщили, что зрители уже начали собираться.

Сижу прямо, как меня всегда учили. Плечи не касаются стены. Потом понимаю, что раскачиваюсь взад-вперед. Возможно, я делаю это, чтобы не сойти с ума. А может, просто чтобы согреться. Качаясь, я напеваю себе под нос старую колыбельную. Мама пела мне ее в раннем детстве. Добросовестно пытаюсь подражать ее нежному мелодичному голосу, однако звуки, раздающиеся из моего горла, становятся все более отрывистыми и хриплыми. Мама пела совсем не так. Не желая позорить ее память, я умолкаю.

В камере чертовски сыро. Вода сочится откуда-то с потолка над дверью. Видимо, сочится очень давно, раз успела проделать в камне бороздку. Стены камеры блекло-зеленого цвета с черными разводами. Мои волосы успели потускнеть. Под ногтями — грязь и запекшаяся кровь. Мне хочется отскрести их дочиста. Не странно ли, что в последний день своей жизни я думаю о давно не мытом теле? Окажись здесь моя младшая сестра, она погрузила бы мои руки в теплую воду и стала бы нашептывать мне на ухо утешительные слова.

Как там она? За все это время она ни разу меня не навестила.

Я роняю голову на руки. Как же я дошла до жизни такой?

Ответ для меня не загадка. Я — убийца.

Все началось несколько недель назад, в поместье моего отца. Была ненастная ночь. Мне не спалось. Дождь барабанил по крыше. Молнии то и дело озаряли мою спальню. Но даже шум стихии не мог полностью заглушить звуки голосов, доносящихся снизу. Там отец и его гость вели беседу. Естественно, обо мне. Полночные беседы отца всегда были обо мне.

Я была притчей во языцех всей восточной части Далии, где жила моя семья. «Аделина Амотеру? Как же, знаем: она выжила после лихорадки, что свирепствовала десять лет назад. Бедняжка. Ох, непросто будет отцу выдать ее замуж».

Думаете, я родилась дурнушкой? Нет. Или, думаете, у меня нрав высокомерный? Тоже нет. Я просто честна. Моя нянька однажды сказала мне, что каждый мужчина, знавший мою покойную мать, ждет не дождется, когда две ее дочери вырастут и превратятся в женщин. Моей сестре Виолетте исполнилось всего четырнадцать, а ее уже считали образцом совершенства. В отличие от меня, она унаследовала покладистый мамин характер и очарование невинности. Виолетта любила целовать меня, в щечку, смеяться, кружиться и мечтать. Совсем маленькими мы подолгу сидели в саду. Сестра вплетала мне в волосы цветки барвинка, а я ей пела. Она же придумывала для нас игры.

Тогда мы любили друг друга.

Отец баловал Виолетту. Дарил ей украшения. Ему нравилось, как она хлопает в ладоши, увидев у себя на шее очередное ожерелье. Отец покупал ей красивые платья, что привозили из далеких заморских земель. Рассказывал ей сказки и целовал перед сном. Не уставал напоминать Виолетте о ее красоте. Мечтая вслух, говорил, что удачное замужество сестры повысит положение нашей семьи. При желании Виолетта смогла бы привлечь внимание принцев и королей. К ней уже сватались, и немало, однако каждому претенденту отец советовал запастись терпением и дожидаться семнадцатилетия Виолетты. Раньше ни о каком замужестве не может быть и речи. «До чего же у нее заботливый отец», — считали люди.

Только не думайте, будто на Виолетту жестокость нашего отца не распространялась. Он нарочно покупал ей тесные платья, когда любое движение сопровождалось болью. Отцу доставляло наслаждение видеть, как сестра до крови натирает себе ноги в тяжелых, украшенных драгоценными камнями туфлях, которые он уговаривал ее надевать.

Вас это удивляет? Отец любил Виолетту, но *по-своему*. Он вкладывал в нее большие средства, рассчитывая на щедрые проценты в будущем.

Со мной все было по-другому. В отличие от сестры, гордящейся блестящими черными волосами, такими же черными глазами и бархатистой смуглой кожей, я... увечная. Сейчас объясню, в чем дело. Когда мне было четыре года, по всей Кенеттре свирепствовала кровавая лихорадка. Перепуганные люди наглухо закрывали двери и окна домов. Увы, самые крепкие запоры оказывались бессильны перед заразой. Мама и мы с сестрой тоже заболели. Отличить заболевшего было просто. Кожа покрывалась пятнами, волосы и ресницы меняли цвет, а из глаз лились жгучие кровавые слезы. Я и сейчас помню запах болезни в нашем доме и обжигающий вкус рома на губах. Мой левый глаз сильно воспалился и начал гноиться. Врачу не оставалось ничего иного, как удалить его с помощью раскаленного ножа и таких же раскаленных щипцов.

Ну вот, теперь вы знаете о моем увечье.

Я меченая. Мальфетто.

Внешность моей сестры болезнь пощадила. У меня же на месте левого глаза только шрам, словно самого глаза никогда и не было. Волосы Виолетты тоже сохранили свой цвет и блеск, тогда как мои сделались переменчивого серебристого цвета. И ресницы тоже. При

солнце они почти белые, будто сияние зимней луны. В темноте становятся густо-серыми, как нить из шелка цвета стали.

И все-таки мне повезло больше, чем маме. Как и многие взрослые, она от этой болезни умерла. Помню, я ночами приходила в ее опустевшую спальню и плакала, сожалея, что кровавая лихорадка не забрала вместо нее отца.

Отец и его таинственный гость продолжали свой разговор. Любопытство пересилило. Я встала, тихонечко подошла к двери и приоткрыла ее. Галерея второго этажа была тускло освещена. Внизу, в зале, напротив отца сидел незнакомый мне широкоплечий мужчина. Виски, тронутые сединой. Волосы, традиционно увязанные в хвостик. Черный бархатный камзол с оранжевыми вставками, ткань которого красиво переливалась под свечами люстры. Мой отец тоже был в бархатном камзоле, но в старом и изрядно потертом. До эпидемии он одевался столь же богато, как и его гость. А сейчас? Трудно оставаться успешным негодяном, когда твоя старшая дочь — мальфетто. Пятно на имени семьи.

Отец и гость пили вино. Должно быть, отец рассчитывал произвести благоприятное впечатление на незнакомца, если раскупорил одну из наших последних бочек добротного вина.

Я открыла дверь чуть шире, выбралась на галерею и села на ступеньках, подтянув колени к подбородку. Мое любимое место. Иногда я воображала себя королевой, стоящей на балконе дворца. Внизу — мои подданные, распростершиеся ниц. Сейчас мне было не до фантазий. Меня занимал разговор мужчин. Как всегда, я прикрыла шрам прядью. Мои пальцы неуклюже обхватили балясину лестницы. Однажды отец сломал мне безымянный палец, и тот сросся криво и плохо сгибался.

— Господин Амотеру, не сочтите мои слова оскорблением, — сказал гость. — Вы были негодяном с прекрасной репутацией, но... те времена давно прошли. Я не хочу оказаться замеченным в делах с семьей, где есть мальфетто. Вы же знаете примету: это к беде. И вы мало что можете мне предложить.

Отец продолжал улыбаться. Род занятий научил его улыбаться, даже когда на душе было паршиво.

— В городе есть заимодавцы, которые не отказываются иметь со мной дело. Как только наладится морское сообщение, я с процентами верну вам все деньги. В нынешнем году спрос на тамуранские шелка и пряности очень велик.

Слова отца не впечатлили гостя.

— Король туп, как пес. А собаки не умеют править государством. В ближайшие годы бесполезно рассчитывать на налаживание морского сообщения. По-моему, оно будет только хиреть. Добавьте к этому новый закон о податях. Боюсь, ваши долги вырастут так, что вы не сумеете расплатиться.

Отец хлебнул вина и откинулся на спинку стула.

— Но неужели мне совсем нечего вам предложить? — со вздохом спросил он.

Гость задумчиво разглядывал вино в своем бокале. Его лицо было изрезано морщинами, от которых меня пробрала дрожь.

— Расскажите мне про Аделину. Много ли претендентов на ее руку?

Отец и так раскраснелся от выпитого вина, однако вопрос гостя добавил краски его щекам.

— К Аделине женихи не торопятся.

— Стало быть, никто не горит желанием брать в жены ваше маленькое...

недоразумение, — улыбнулся гость.

— Желающих не так много, как бы мне хотелось, — возразил отец и поджал губы.

— А что говорят о ней другие?

— Другие женихи? — Отец устало провел рукой по лицу, словно признавая, что и он ошеломлен моим увечьем. — Все говорят одно и то же. И причина одинакова: ее... отметины. Что мне вам сказать, господин? Никто не хочет видеть мальфетто матерью своих детей.

Гость слушал, отпуская сочувственные восклицания.

— Кстати, вы слышали последние новости из Эстенции? Двое знатных горожан возвращались домой из оперы, а потом их нашли сгоревшими дотла.

Отец ухватился за эту тему, рассчитывая на дальнейшее сочувствие гостя.

— Стену опалило, а тела этих несчастных оплавилась изнутри. Да, любезный господин, все страшится мальфетто. Даже вы отказываетесь иметь дело со мной, и я бессилен что-либо изменить.

Я знала, о чем речь. Отец говорил об особых мальфетто. Их была всего горстка — детей, переболевших кровавой лихорадкой и получивших отметины совсем иного рода. Невидимые и не связанные с нашим миром. Об этих мальфетто всегда шептались. Их называли демонами. Но я тайно восхищалась ими. Рассказывали, что они умеют вызывать огонь и ветер. Повелевать дикими животными. Исчезать. А еще они умели убивать без всякого оружия. Взглядом.

Если потолкаться среди сомнительных лавчонок, можно найти амулеты с именами этих мальфетто, красиво выгравированными на дощечках. Кто-то считает, что амулет дарует их покровительство или по меньшей мере защиту от них. Что бы о них ни думали, но их имена знают все. Жнец. Чародей. Ветроходец. Алхимик.

Молодая Элита.

Гость покачал головой:

— Я слышал, что даже отвергавшие Аделину женихи продолжают пялиться на нее и исходить слюной от желания. — Он помолчал. — Конечно, ее отметина... вызывает досаду. Но красивая девушка остается красивой девушкой.

Его глаза странно блеснули, отчего у меня свело живот и я еще глубже вдавила подбородок в колени. Как будто это могло меня защитить!

Слова гостя привели отца в замешательство. Он даже перестал горбиться.

— Вы никак просите у меня руки Аделины?

Сунув руку в карман камзола, гость извлек оттуда и бросил на стол коричневый мешочек. Тот тяжело звякнул о столешницу. Этот звук безошибочно подсказал мне, что он туго набит золотыми талантами. Недаром я выросла в семье негоцианта. Я едва не вскрикнула от удивления.

Пока отец, разинув рот, смотрел на мешочек, гость задумчиво потягивал вино.

— Мне известно, что вы несколько лет не платили в казну подати за свое имение. Известно мне и о ваших новых долгах. Я готов все это покрыть в обмен на вашу Аделину.

— Но ведь вы женаты, — хмурясь, произнес отец.

— Совершенно верно, — согласился гость и добавил: — Я же не сказал вам, что хочу на ней жениться. Я лишь предложил забрать ее от вас.

Кровь отхлынула от моего лица.

— Значит, вы хотите взять ее... в наложницы?

— Ни один аристократ в здравом уме не взял бы в жены девушку с таким увечьем. Появиться рука об руку с Аделиной в тех местах, где я бываю... Господин Амотеру, я дорожу своей репутацией. Но мы без особого труда смогли бы решить этот вопрос. У Аделины будет свой дом, а у вас — золото. — Гость поднял руку. — Но одно условие. Аделина нужна мне немедленно. Я не собираюсь целый год ждать, пока ей исполнится семнадцать.

У меня зазвенело в ушах. Юношам и девушкам разрешалось вступать в брак не ранее, чем по достижению семнадцати лет. Гость толкал отца к нарушению закона. Склонял бросить вызов богам.

Отец наморщил лоб, однако спорить не стал.

— Наложница, — наконец проговорил он. — Господин, вы должны знать, как это скажется на моей репутации. С таким же успехом я мог бы продать ее в публичный дом.

— А в каком состоянии ваша репутация пребывает сейчас? Сколько вреда увечье Аделины уже нанесло вашему доброму имени? — Гость подался вперед. — Надеюсь, у вас нет подозрений, будто я содержу тайный притон или что-то в этом роде. Аделина попадет в круг знати, о чем вы так мечтаете.

Отец глотал вино. У меня задрожали руки.

— Наложница, — повторил отец.

— Думайте побыстрее, господин Амотеру. Это мое первое и единственное предложение.

— И все-таки мне надо подумать.

Мне не понравился заискивающий тон отца. Похоже, он уже решил продать меня женатому незнакомцу и хотел лишь соблюсти приличия.

Не знаю, сколько времени длились отцовские раздумья. Когда он заговорил снова, я чуть не подскочила.

— Аделина могла бы стать вам достойной парой. Вы мудро подметили ее достоинства. Даже с этой... отметиной она красивая девушка. Но... своенравная.

Гость качнул бокал.

— Я ее усмирю. Тогда по рукам?

Я закрыла глаза. Мой мир провалился в темноту. Я представила лицо гостя рядом со своим, его руку у меня на талии. Представила его отвратительную улыбку. Даже не жена. Наложница. От этой мысли мне захотелось втиснуться в лестницу. Тем временем отец с гостем пожали руки и чокнулись.

— По рукам. — Казалось, отец сбросил с плеч тяжелый груз. — Завтра она будет вашей. Только... соблюдайте осторожность. Не хочу, чтобы ко мне вломились инквизиторы и оштрафовали за нарушение закона. Я же отдаю вам несовершеннолетнюю.

— Она мальфетто, — напомнил отцу гость. — До них властям нет дела. — Он встал, изящно натянул перчатки. Отец склонил голову. — Утром я пришлю за ней карету.

Пока отец провожал... моего нового хозяина, я торопливо вернулась в спальню и остановилась посреди комнаты. Меня била неудержимая дрожь. До сих пор слова отца для меня будто нож в сердце, а ведь пора бы к ним привыкнуть. «Моя бедная Аделина, — сказал он однажды, поглаживая мою щеку. — Это позор. Посмотри на себя. Разве кто-нибудь захочет взять в жены мальфетто вроде тебя?»

Я пыталась себя успокоить. «Все будет хорошо. Ты хотя бы избавишься от отцовской власти. Быть может, тебе даже понравится». Уговоры не помогали. В груди ощущалась неимоверная тяжесть. Я знала правду. Мальфетто не нужны никому. Они способны лишь

накликать беду. Их боятся. Женатому аристократу захотелось поразвлечься с молоденькой девчонкой. А когда я ему наскучу, он не задумываясь вышвырнет меня прочь.

Я оглядела комнату, потом подошла к окну. Мне нравилось смотреть в окно. Даже сейчас это немного успокоило меня. Стекло было исчерчено сердитыми дождевыми струями. В тихие ночи из окна открывался красивый вид на Далию. Я любила разглядывать кирпичные башни, увенчанные куполами, чистенькие мощеные улицы, мраморные храмы. Любила разглядывать гавань. Мне казалось, что город незаметно переходит в море. Тихими ночами по заливу скользили золотые огоньки гондол. Отдельные смельчаки приближались к рокочущим водопадам, служившим южной границей Кенеттры. Однако сегодня океан яростно бушевал, вздымая белые пенистые валы. Каналы превратились в неистовые потоки, заливающие улицы.

Я долго смотрела в окно.

Ночь. У меня осталась одна ночь.

Подбежав к кровати, я нагнулась и вытащила мешок, наспех сшитый из простыни. Внутри лежало серебро высокой пробы: вилки, ножи, канделябры, тарелки, украшенные гравировкой. Словом, все то, чем можно было расплатиться за пищу и крышу над головой. Вот я и добралась еще до одной черты моего характера, за которую по головке не погладят. Я воровка. Месяцами я воровала в отцовском доме, пряча награбленное под кровать. Я давно начала готовиться к бегству, на которое решусь, как только жизнь рядом с отцом станет невыносимой. Не скажу, чтобы я натаскала слишком много. Но если это умело продать, можно выручить несколько золотых талантов. Где-то на полгода хватит.

Потом я распахнула дверцы платяного шкафа и вытащила то, что попало под руку. Теперь украшения. Их при необходимости тоже можно будет продать. Мои серебряные браслеты. Жемчужное ожерелье, оставшееся после матери и отвергнутое сестрой. Серьги с сапфирами. Из двух длинных кусков шелка я сооружу себе тамуранский тюрбан. Мои серебристые волосы слишком заметны, и на время бегства их надо прикрыть.

Я собиралась с какой-то лихорадочной сосредоточенностью. Одежду и украшения я тоже спрятала в мешок, а его задвинула под кровать. Затем обулась, выбрав мягкие кожаные сапоги для верховой езды.

Оставалось дожидаться, когда отец ляжет и заснет.

Где-то через час он ушел к себе. В доме стало тихо. Взяв мешок, я подошла к окну и осторожно толкнула левую створку. Окно открылось. Буря несколько утихла, но дождь продолжал барабанить по крыше и стеклам, заглушая мои шаги. В последний раз я оглянулась, словно ожидая, что сейчас дверь спальни распахнется, войдет отец и спросит: «Аделина, куда ты собралась? От судьбы не убежишь».

Волевым усилием я заставила его голос умолкнуть. Пусть утром отец войдет сюда и обнаружит, что я сбежала, лишив его шанса расплатиться с долгами. Вдохнув поглубже, я начала перелезать через подоконник. По рукам ударили обжигающе холодные струи дождя.

— Аделина!

Я резко обернулась. На пороге стояла моя сестра Виолетта. Она терла заспанные глаза. Взгляд сестры скользнул по открытому окну, затем по мешку у меня за плечами. Я испуганно сжалась, боясь, как бы сейчас она не закричала во весь голос, зовя отца.

Но Виолетта только молча смотрела на меня. Я вдруг почувствовала себя виноватой, однако эти угрызения совести тут же прошли. В сердце не осталось ничего, кроме тихой неприязни к Виолетте. Ну что я за дура? Почему я должна жалеть ту, которая столько раз

спокойно наблюдала за моими страданиями? «Я люблю тебя, Аделина, — говорила она, когда мы были маленькими. — И папа тебя любит. Он просто не умеет это показать». С какой стати мне испытывать сострадание к сестре, обласканной отцом?

И тем не менее я бросилась к ней, взяла за руку и приложила палец к ее губам. Виолетта с тревогой посмотрела на меня.

— Ложилась бы ты лучше спать, — прошептала она.

Даже в темноте ее волосы блестели. Глаза казались мраморными. Мои пальцы ощущали гладкость ее нежной кожи. Виолетта была безупречно красива.

— Если отец тебя найдет, бед не оберешься.

Я крепче стиснула ее руку и приложилась лбом к ее лбу. Так мы любили стоять в детстве. Виолетта не выдерживала первой, зная, что отцу не нравилось видеть нас вместе. Однако сейчас она сама не отпускала меня, понимая, как не похожа эта ночь на все остальные.

— Виолетта, помнишь, как однажды ты соврала отцу насчет того, кто разбил его лучшую вазу? — шепотом спросила я, и сестра кивнула. — Тебе нужно будет снова ему соврать, — сказала я, закидывая ей прядку волос за ухо. — Ты спала и ничего не слышала.

Виолетта молча сглотнула, затем оглянулась на тускло освещенную галерею, в конце которой находились отцовские комнаты. Наши чувства к отцу сильно отличались. Ей он постоянно внушал, что глупо тратить время на общение со мной и еще глупее — меня любить. Похоже, эти поучения заставили ее почувствовать себя виноватой. Я ждала ее ответа. Она молча кивнула. Слава богам. Мне стало легче.

— Будь осторожна. Очень осторожна. Удачи.

Мы в последний раз посмотрели друг на друга. «Ты могла бы убежать вместе со мной, — подумала я. — Но я знаю: ты не решишься. Ты слишком труслива. Оставайся здесь и радуйся нарядам, которые покупает тебе отец».

На мгновение у меня исчезла вся неприязнь к сестре. Виолетта всегда была послушной девочкой. Она не виновата, что кровавая лихорадка ее пощадил. «Я желаю тебе счастливой жизни. Пусть найдется тот, за кого ты выйдешь по любви. Прощай, сестра». Я не решилась ждать, пока она что-нибудь скажет. Повернувшись, я подбежала к окну и вылезла на карниз второго этажа.

И чуть не сорвалась. Сапоги скользили по узкому мокрому карнизу. Мешок развязался, и что-то с грохотом полетело на мокрые камни. «Не смотри вниз», — приказала я себе. Крошечными шажками я продвигалась по карнизу, пока не достигла балкона. Там дрожащими руками схватилась за прутья ограды и повисла в воздухе. Потом закрыла глаза и разжала пальцы.

Приземлилась я неудачно. Хорошо еще, что ничего себе не сломала. От удара у меня перехватило дыхание, и несколько минут я пролежала на мокрой земле, потирая ушибленную ногу и хватая ртом воздух. Дождь сделал все вокруг отвратительно блестящим. Такое однажды я видела в кошмарном сне, когда попала в мир зеркал и не знала, как оттуда выбраться. А сейчас мне надо не только выбраться, но и убираться, пока отец меня не хватил. Я заставила себя встать и побежала к конюшне, спасаясь от дождевых струй.

Лошади не обрадовались моему появлению. Они беспокойно перебирали ногами. Я отвязала своего любимого жеребца, прошептала ему на ухо ласковые слова и оседлала его.

Мы понеслись в дождь и темноту.

Я неустанно прищипывала коня, пока мы не выбрались за пределы отцовского поместья

и не оказались на городской рыночной площади. Непривычно было видеть это место, такое оживленное днем, совершенно пустым сейчас. В многочисленных лужах отражалось хмурое небо. Впервые я оказалась в городе ночью, да к тому же в ненастье. Жеребец фыркал и мотал головой. Дождь был ему явно не по нраву. Вода превратила глину в скользкую жижу, в которой вязли конские копыта. Я спешила, приникла к конской шее, погладила гриву, пытаюсь успокоить моего скакуна и заставить двигаться дальше.

А потом услышала приближающийся топот других копыт.

Я обмерла, едва не выронив поводья. Поначалу топот казался далеким. Гром почти заглушал его. Однако через мгновение топот сделался отчетливо слышимым. Даже слишком отчетливо. Я знала, кто этот ночной всадник, гонящийся за мной. Меня затрясло. Я отчаянно вцепилась в мокрую конскую гриву. Отец. Что-то подспудно все время твердило мне: он обязательно погонится за мной. Неужели Виолетта меня выдала? А может, он сам проснулся от грохота вещей, выпавших из моего мешка?

Мои мысли оборвались. Словно призрак, из стены тумана появился отец. У меня заледенела кровь. Отцовские глаза пылали гневом. Никогда еще я не видела его таким разъяренным.

Не успела я вскочить в седло, как отец уже был рядом. Я даже не заметила, когда он спрыгнул на землю. Он бежал, шлепая по лужам. Мокрые полы камзола хлестали его по спине. В следующее мгновение отцовские пальцы, словно железные кандалы, сжали мне запястье.

— Аделина, что ты задумала? — дьявольски спокойным голосом спросил он.

Напрасно я пыталась вырваться. Его пальцы лишь плотнее смыкались вокруг моего запястья. Он резко дернул мою руку. Я споткнулась и упала к его ногам, густо забрызгав себе лицо грязью. Теперь я слышала только шум дождя и голос отца. Если голоса имеют цвет, его голос был сейчас совсем черным.

— Поднимайся, маленькая воровка. Вставай, неблагодарная тварь. — Так же рывком отец поставил меня на ноги. Потом заговорил снова, но уже не сердито, а даже ласково: — Едем домой, любовь моя. Смотри, в какую замарашку ты себя превратила. Разве так можно?

Я молча полоснула по нему сердитым взглядом и что есть силы рванула руку. Отцовские пальцы были скользкими от дождя, это и помогло мне освободиться. Но боль осталась.

Скоро к ней добавилась другая: отец схватил меня за волосы. Я закричала, бессильно молотя руками воздух.

— До чего же у тебя дрянной характер. Брала бы пример с сестры.

Отец поволок меня к своей лошади. Я задела злополучный мешок, привязанный к седлу жеребца, и краденое серебро с отвратительным лязгом попадало в лужу.

— И куда ты собралась бежать, дурочка? Кому еще ты нужна? Никто и никогда не предложит тебе лучшей участи, чем эта. А известно ли тебе, сколько унижений я проглотил, пытаюсь выдать тебя замуж? Знаешь ли ты, как тяжело отцу извиняться за свою увечную дочь?

Я закричала. Нет, заорала во все горло, надеясь, что мои вопли разбудят жителей окрестных домов и у меня появятся свидетели... Впрочем, какое им дело до меня? Тем более что все права на стороне отца. А тот, не обращая внимания на мои крики, волок меня дальше, больно дергая за волосы.

— Вот сейчас ты брыкаешься, а потом благодарить меня будешь. — На мгновение он остановился и взглянул на меня. Дождь хлестал его по щекам. — Я же тебе добра желаю. О

будущем твоём забочусь.

Его слова я встретила скрежетом зубов.

— Я тебя ненавижу, — прошептала я.

Отец размахнулся и ударил меня по лицу. На секунду вспыхнул ослепительный свет, но это была не молния. Я зашаталась и снова упала в грязь. Отец по-прежнему крепко держал меня за волосы. Так он меня и поднял, вырвав несколько прядей. «Я зашла слишком далеко, — подумала я и содрогнулась от страха. — Наверное, я перешла черту, которую нельзя было переходить».

— Ничего, паршивка. Чужие люди научат тебя жизни, — с холодной яростью произнес отец. — Мне главное — дожидаться утра, а там — прости-прощай. Но учти: я скорее убью тебя, чем позволю сорвать эту сделку.

Во мне что-то надломилось. Кажется, я даже услышала хруст. Губы скривились.

В меня вливалась непонятная сила, сочетавшая в себе ослепительный свет и мрачайший ветер. Наверное, этот ветер разогнал тучи, и выглянувшая луна лишила окружающий мир красок, сделав его черно-белым. Отец почему-то застыл рядом со мной. Его лицо превратилось в злобную маску. Дождевые капли больше не падали, а висели в воздухе. Пространство заполнилось миллионами сверкающих нитей, соединявших всё со всем.

Голос, пробудившийся внутри меня, велел мне схватиться за нити. Окружающий мир застыл. Затем мне показалось, будто мой разум выскочил из тела и прыгнул на мокрую землю. А из земли стали появляться черные силуэты. Высокие, странным образом скрюченные и изломанные. Их глаза, налитые кровью, неподвижно смотрели на моего отца. Их рты, усеянные острыми зубами, были настолько широкими, что разделяли лица надвое. Я видела, как перепугался отец, когда призраки устремились к нему. Его пальцы разжались. Я упала на землю и поспешила отползти от него подальше. Черные призраки надвигались. Я оказалась в самой их середине: одновременно беспомощная и могущественная. Меня они словно не замечали.

«Я Аделина Амотеру», — шептали призраки отцу, хором передавая ему самые пугающие мои мысли, сочащиеся ненавистью. *Моей* ненавистью. «Я никому не принадлежу. Клянусь тебе этой ночью, что отрину все, чему ты меня учил. Я стану силой, какой еще не знал мир. Я обрету такое могущество, что отныне никто не посмеет причинить мне вред и сделать больно».

Призраки почти обступили отца. «Подождите!» — захотелось мне крикнуть, однако меня охватило странное ликование. «Остановитесь!» — все-таки прошептала я. Однако призраки не обращали на меня ни малейшего внимания. Отец еще пытался отбиваться от них, ударяя по протянутым к нему костлявым пальцам, но потом вдруг опрометью бросился прочь. Казалось, страх ослепил его. На бегу отец врезался в бок своей лошади и повалился в ближайшую лужу. Лошадь испуганно заржала, взвилась на дыбы, бешено вращая белками глаз.

Когда ее мощные передние копыта вновь соприкоснулись с землей, мой отец оказался под ними. Удар пришелся ему прямо в грудь. Крик мгновенно стих. Тело задергалось в судорогах.

Призраки исчезли, словно их и не было. Дождь вдруг припустил снова. Огненные стрелы молний прочерчивали небо. Гремело так, что у меня дрожали кости. Потоптавшись на бездыханном теле моего отца, очумевшая лошадь мотнула головой и скрылась за дождевой

завесой. Меня бросало то в жар, то в холод. Саднили все мышцы. Я валялась в глинистой луже и с немым ужасом смотрела на изуродованный труп, еще недавно бывший моим отцом. Я не могла отвести глаз от страшного зрелища. Дыхание сделалось судорожным, голова пылала. По моему лицу текла кровь. Ноздри наполнились резким запахом железа. Запахом крови. Возможно, это пахли мои раны. А может, и кровь мертвого отца. Оцепенев, я ждала, что призраки появятся снова и обратят свой гнев на меня. Но время шло, а призраков не было.

— Я не собиралась его убивать, — прошептала я, сама не понимая, к кому обращаюсь.

Я приподняла голову, страхась увидеть лица разбуженных жителей окрестных домов. Никого. Дождь грозил утопить меня в этой чертовой луже. Я стала отползать от отцовского трупа. «Это страшная случайность», — мысленно твердила я себе.

И врала. Даже тогда я понимала, что вру. Я самой себе устраивала спектакль, наслаждаясь каждым моментом действия.

— Я не собиралась его убивать! — теперь уже закричала я, заглушая внутренний голос. Правильнее сказать, пыталась закричать. Все это было больше похоже на хныканье или писк. — Я всего лишь хотела сбежать из дома. Хотела только... спастись. Я не...

Трудно сказать, долго ли я так лицедействовала. Кончилось тем, что я встала, трясущимися руками собрала разбросанное серебро, крепче завязала мешок и забралась в седло. Тронула поводья и покинула страшное место, оставив тело отца, убитого... пусть и не моими руками, но не без моего участия. Я унеслась так быстро, что даже не удосужилась оглядеться по сторонам. Вдруг кто-то все-таки видел, как все было? Тогда я об этом не думала.

Я ехала несколько дней, распродавая серебро по пути. Что-то у меня купил добрый хозяин постоянного двора, что-то — зажиточный крестьянин, проникшийся ко мне симпатией. Часть я продала мягкосердечному пекарю. В очередной город я въезжала с некоторой суммой вырученных талантов. Не ахти сколько, но на хлеб хватит. Конечной точкой моего путешествия была Эстенция — столица острова, портовый город, называемый городом десяти тысяч кораблей. Еще его называли главным бриллиантом в короне Кенеттры. Я слышала, что в Эстенции полным-полно мальфетто и там они куда более привычное зрелище, нежели в Далии. Там я смогу затеряться среди собратьев по несчастью, и никто никогда меня не найдет.

Но на пятый день пути измождение одержало надо мной верх. Я не была всадником, привыкшим сутками не вылезать из седла. До этого я не столько ездила, сколько каталась верхом. Словом, на пятый день я буквально упала с коня перед воротами крестьянской усадьбы. Легла на траву и провалилась в сон.

Меня нашла женщина, в простой, но опрятной коричневой одежде, какую носили крестьянки. Ее лицо было по-матерински участливым. Мое сердце мигом оттаяло. Я почувствовала, что эта женщина не станет задавать лишних вопросов и не побежит доносить властям.

— Помогите мне, — растрескавшимися губами прошептала я. — Мне нужно отдохнуть.

Все так же участливо женщина протянула ко мне руки, взяла мое лицо в свои холодные ладони, долго смотрела на шрам, затем кивнула:

— Идем со мной, дитя.

Она привела меня на чердак просторного амбара и показала большую охапку сена. Пока я устраивалась, женщина сходила в дом, принесла мне ломоть хлеба и кусок твердого сыра. Я

едва успела проглотить угощение и тут же уснула, веря, что нахожусь в полной безопасности.

Утром я проснулась оттого, что чьи-то грубые руки стащили меня с сенной постели на шершавые доски пола.

Я боялась открыть свой единственный глаз, а когда открыла, то увидела двоих солдат инквизиции, в упор глядящих на меня. Доспехи белого цвета, с золотой каймой. Каменные лица. Королевские миротворцы — так они именовались официально. В отчаянии я попыталась вызвать ту же силу, что и накануне смерти отца, но ничего не получилось. Окружающий мир не стал черно-белым, и призраки не явились мне на выручку.

За спиной солдат я увидела девичью фигуру, в которой не сразу узнала свою младшую сестру. Хорошенькое личико Виолетты распухло от слез, под глазами темнели круги, а одна щека вспухла от синяка.

— Это твоя сестра? — спросил Виолетту солдат, что был слева от меня.

Виолетта молча смотрела на солдат, но врать она умела плохо, и ответ они прочитали по ее глазам.

Оттолкнув сестру, инквизиторы занялись мною. Меня столь же бесцеремонно, как и разбудили, подняли на ноги. Потом крепко связали руки за спиной.

— Аделина Амотеру, именем короля ты арестована, — произнес второй солдат.

— Это был несчастный случай, — затараторила я. — Дождь, гроза. Лошадь испугалась и...

Инквизитор меня не слушал.

— Ты арестована за убийство своего отца, господина Мартино Амотеру.

— Вы говорили: если я поручусь за нее, вы ее отпустите! — выкрикнула Виолетта. — Я поручилась за Аделину! Она невиновна! — Виолетта схватила меня за руку. Ее глаза были полны слез. — Аделинетта, дорогая, это так ужасно, — с болью в голосе зашептала она. — Я так тебе сочувствую. Они шли за тобой по пятам. Я не собиралась им помогать...

«Но помогла», — подумала я и отвернулась, хотя и не вырвала руку. Нас разъединили солдаты. Мне хотелось сказать Виолетте: «Спаси меня. Ты должна найти способ меня спасти». Однако слова не выговаривались. Меня, меня, меня... Наверное, я была такой же эгоисткой, как наш покойный отец.

* * *

С того утра прошло уже несколько недель.

Теперь вы знаете, как и почему я оказалась прикованной к стене мрачной, сырой тюремной камеры. Суда надо мной не было и не будет. Меня просто казнят, поскольку ни одной живой душе нет до меня никакого дела.

Увы, я слишком поздно узнала о своих необычных способностях. Я совсем не хотела убивать отца, а получается — его кровь на моих руках. Его призрак стал моим непрощеным спутником. Всякий раз, стоит мне проснуться после кошмарного сна, я вижу в углу камеры отцовский силуэт. Призрак смеется надо мной. «Ты пыталась от меня сбежать, — говорит он, — но я тебя нашел. Ты все равно проиграла, а я выиграл». Я кричу, что рада его смерти. Требую, чтобы он убрался и оставил меня в покое. Но он не уходит.

Впрочем, теперь это уже не имеет значения. Завтра утром меня все равно казнят.

Почтовый голубь прилетает поздно ночью. Птица опускается на его руку, обтянутую перчаткой. Он уносит голубя с балкона в дом и снимает привязанный к лапке клочок пергамента. Затем все той же рукой в перчатке, на которой полным-полно пятен крови, ласково гладит голубиную шею и разворачивает послание. Оно написано красивым размашистым почерком.

Я нашел ее. Немедленно приезжайте в Далию.

Ваш верный Вестник

Его лицо остается бесстрастным. Сложив записку, он прячет ее в наручи доспеха. Ночью его глаза — лишь темнота и тень.

Пора в путь.

*Пусть думают они, что удержать меня сумеют.
Хоть всю входную дверь обвешайте замками!
А для меня всегда другая дверь найдется.*

Тристан Кирслей. Похитительница Звезд

Шаги в темном коридоре. Идущий останавливается возле двери моей камеры. Тюремщик. Здесь все они гордо величают себя инквизиторами. Дверь не достаёт до пола, и в эту щель тюремщик пропихивает мне миску с баландой. Миска скользит по мокрому полу и останавливается возле черной лужи в углу, где грязная вода становится гарниром к этой еде. Правда, не знаю, у кого язык повернется назвать мутную жижу едой.

— Твой последний завтрак, — слышится из-за двери. Тюремщик идет дальше, бросая мне на ходу: — Советую подкрепиться, уродина. Через час мы за тобой придем.

Его шаги становятся тише, а затем и вовсеглохнут.

Из соседней камеры слышится тонкий голосок:

— Эй, девчонка!

Невольно вздрагиваю. «Девчонка». Отвечать я не собираюсь, но сосед-узник не унимается:

— Это правда? Говорят, ты из них. Из этих... Молодой Элиты.

Молчу.

— Так как? — не унимается сосед. — Да или нет?

Я не отвечаю.

Он смеется смехом узника, который слишком давно томится в камере и потихонечку сходит с ума.

— Инквизиторы говорят, ты умеешь вызывать демонов. Ты их вызывала? А правда, что кровавая лихорадка изуродовала тебе лицо?

Он вдруг затягивает какую-то песню. Слов не разобрать, мелодия мне тоже не знакома.

— Может, твои демоны помогут мне выбраться отсюда? Как ты думаешь? Это им по силам?

Он заходится приступом безумного смеха.

Я никогда не отвечаю на его вопросы. И в разговор с ним тоже не вступаю. Особенно сейчас, накануне прощания с жизнью. Как он сказал? Молодая Элита? Меня вдруг разбирает смех. Может, поохотать напоследок вместе с этим чокнутым?

Снова пытаюсь вызвать силы, столь жестоко освободившие меня от отца. И снова терплю неудачу.

Время тянется еле-еле. Обещанный час давно прошел. Не знаю, сколько еще времени миновало. Но обо мне не забыли. Шаги спускающихся по каменной винтовой лестнице становятся все громче. Я слышу шумное дыхание солдат. В двери камеры тяжело поворачивается ключ. Скрипят ржавые петли. Дверь открывается. Они пришли за мной.

Солдаты остаются в коридоре. Их факелы тускло освещают камеру. Внутрь входят двое. Лица скрыты глубокими капюшонами. Я забиваюсь в угол, но они хватают меня и поднимают на ноги. Потом отпирают замки на кандалах, и те с лязгом падают на сырой пол.

Отбиваюсь, собрав последние остатки сил. «Это не по-настоящему, — пытаюсь

успокоить себя. — Это кошмар». Да, это кошмар. Но кошмар наяву. Самый настоящий.

Меня выталкивают в коридор. Один этаж, второй, третий. Вот как глубоко меня держали. Славные подземелья в Башне инквизиции! Постепенно мокрые, осклизлые полы становятся все суше. Грубый камень сменяется полированным мрамором. Появляются колонны и шпалеры на стенах. На каждой — Вечное Солнце. Символ инквизиции. Пространство вокруг наполняется звуками голосов. Где-то поют. Или мне показалось?

Инстинкт жизни заставляет меня сделать еще одну, отчаянную и глупую попытку вырваться. Мои истоптанные сапоги для верховой езды жалобно скрипят на зеркальном мраморе.

Инквизиторы повисают у меня на руках, толкают вперед.

— Ножками шевели, девчонка! — сердито бубнит один.

Редко кто видит их лица. Их так и зовут — Безликие.

Меня выводят из башни. Я попадаю в мир ослепительного света и невольно щурю единственный глаз. Должно быть, меня привели на центральную рыночную площадь. Глаз начинает слезиться, и потому собравшуюся толпу я вижу как в тумане. Вон сколько их пришло посмотреть на мою казнь. По равнодушному синему небу плывут безупречно-белые облака. Вдали высится деревянный помост с чугунным столбом посередине. Вокруг помоста выстроились солдаты инквизиторской гвардии. Все тот же символ на кирасах. Руки в перчатках замерли на эфесах мечей. Я с трудом волочу ноги.

Чем ближе меня подводят к эшафоту, тем громче становятся крики и улюлюканье толпы. В меня летят гнилые фрукты. Мне в лицо выкрикивают оскорбления и проклятия. Эти люди одеты в грязные лохмотья. На ногах — стоптанная, дырявая обувь. Беспросветные бедняки. Они пришли поглазеть на мои мучения, чтобы на время забыть о собственной нужде, унять урчание вечно голодных желудков. Я опускаю глаза. Мир превращается в один пестрый комок. Только эшафот с чугунным столбом неумолимо приближается.

— Демонесса! — выкрикнул кто-то.

Следом что-то маленькое и острое полоснуло меня по лицу. Наверное, камешек.

— Она исчадие зла!

— Предвестница бед!

— Чудовище!

— Одноглазая уродина!

Я зажмуриваюсь, но мысленным взором продолжаю видеть толпу на площади. У всех лицо моего отца и его голос. «Я всех вас ненавижу». Представляю, как душу их, одного за другим. Голыми руками. Я хочу мира и покоя. Внутри что-то шевелится, но едва я пытаюсь ухватить пробудившуюся силу, она тут же исчезает. У меня сбивается дыхание. Теперь я дышу, словно запыхалась от быстрого бега.

Не знаю, как долго меня вели к эшафоту. И вот он — рядом. Это открытие меня ужасает. Самостоятельно мне не подняться по ступеням. Тогда один из инквизиторов подхватывает меня и перекидывает через плечо. Повисаю у него на плече, как охотничий трофей. Инквизитор подносит меня к столбу и снова ставит на ноги.

Этот чугунный столб громаден. Толщиной с меня саму. Сверху свисает петля. По бокам болтаются цепи для рук и ног. Основание столба завалено вязанками хвороста. Все это я вижу как сквозь запотевшее стекло.

Меня прижимают спиной к столбу, сковывают по рукам и ногам, а на шею набрасывают петлю. В толпе продолжают слать мне проклятия и бросать камни. Сама не зная зачем, я

оглядываю крыши окрестных домов. Цепи холодят кожу. Напрасно думать, будто кто-нибудь явится меня спасать. Не могу унять дрожь, отчего все мои цепи гремят.

Поочередно разглядываю инквизиторов, останавливаюсь на самом молодом. Он стоит чуть впереди остальных, посередине. Плечи расправлены, подбородок высоко поднят, руки сомкнуты на спине. Ко мне он стоит боком, и потому я вижу только его профиль.

— Господин Терен Санторо, — кланяясь, торжественно произносит кто-то из инквизиторов. — Главный Инквизитор Кенеттры.

Не понимаю, кому его представляют. Мне? Толпе? Всем? Неужели сам Главный Инквизитор пришел посмотреть, как меня будут сжигать?

Спокойными, уверенными шагами Терен приближается ко мне. Я пчусь, пока не упираюсь спиной в чугунный столб. Цепи громко лязгают. Главный Инквизитор чуть наклоняет голову. Наши глаза теперь почти на одном уровне. Обилие золотого шитья на белых одеждах свидетельствует о высоком положении Терена. На груди покачивается золотая цепь. Для такой должности он на удивление молод. Волосы у него пшеничного цвета, слишком светлые для уроженца Кенеттры, да и подстрижены они по особой моде: по бокам коротко, на макушке длиннее, а сзади убраны в тонкую косицу, перетянутую золотым обручем. Такую стрижку не часто встретишь в Южной Кенеттре. У Терена художавое лицо, словно вытесанное из мрамора. Больше всего меня поражают его бледно-голубые глаза. Совсем бледно-голубые. При ярком свете они кажутся бесцветными. Но от этих глаз меня пробирает дрожь. В них таится безумие, нечто дикое и необузданное.

Главный Инквизитор поднимает руку в изящной перчатке и отводит с моего лица прядь волос, забрызганных кровью. Затем приподнимает мой подбородок. Он разглядывает шрам на месте левого глаза. Уголки его рта трогают странная, почти сочувственная улыбка.

— Какая досада, — говорит он. — А так ты была бы очень даже красивой.

Я дергаю подбородком.

— И к тому же норовистой, — почти с жалостью произносит он. — Тебе нечего бояться. — Он подходит еще ближе и почти шепотом добавляет: — В преисподней ты получишь искупление. — Затем Терен отходит к краю эшафота, поворачивается к толпе и воздевает руки, призывая умолкнуть. — Угломнитесь, друзья мои! Не сомневаюсь, что все мы охвачены волнением.

Он ждет, когда стоящие вблизи замолчат, а разговоры в задних рядах превратятся в шепот. Откашливается. Начинает говорить, и его слова звенят над площадью.

— Думаю, многие из вас слышали о волне преступлений, от которых леденеет кровь. Их совершали люди, точнее, жалкие подобия людей, тем не менее возмнивших, что они стоят выше рода человеческого. Кто-то в это поверил, назвав эту кучку отщепенцев Молодой Элитой, словно они и в самом деле представляют собой нечто выдающееся. Сегодня я пришел сюда напомнить вам, насколько они опасны — эти порождения демонов. Безжалостные убийцы, готовые расправляться даже с самыми близкими им людьми, если те становятся у них на пути. Они ослеплены гордыней, а потому презирают закон и порядок. — Терен оглядывается на меня. На площади установилась мертвая тишина. — Но инквизиция не боится демонов. Смею вас уверить: когда мы их находим, то поступаем с ними по закону. Этот закон прост: зло должно быть наказано. — Он обводит глазами толпу. — Инквизиция создана для вашей защиты. И пусть мои слова послужат предостережением тем, кто, быть может, и сейчас продолжает восхищаться этими увечными демонами.

Если бы не цепи, я бы рухнула на хворост. У меня отчаянно трясутся ноги. Мне хочется

спрятаться от зевак, окруживших эшафот. Мне невыносимо видеть их любопытные глаза. Неужели и Виолетта стоит где-то здесь? Пытаюсь разглядеть ее среди моря лиц, затем поднимаю глаз к небу. Какой чудесный день! Почему я раньше не замечала эту пронзительную синеву? По щеке катится что-то мокрое. У меня дрожат губы.

Боги, даруйте мне силу. Я так боюсь.

Терену подают зажженный факел. Главный Инквизитор поворачивается ко мне. От вида горящего факела мне становится еще страшнее. Я дергаюсь всем телом. Помню, как врачи выжигали мне левый глаз. Тогда я потеряла сознание. Какой же будет боль, когда огонь целиком охватит твоё тело?

Он подносит пальцы ко лбу. Жест прощания. Затем бросает факел к охапке хвороста у моих ног. Сухие ветки моментально вспыхивают. Толпа снова разражается криками и улюлюканьем.

Мне по-прежнему страшно, но к страху примешивается гнев.

Я не умру сегодня на вашем поганом эшафоте!

Погружаюсь в глубины своего разума и наконец ухватываю странную силу, которую безуспешно искала все эти недели. Сердце отчаянно колотится.

Окружающий мир замирает.

Языки пламени замерзают и теперь похожи на черно-белый рисунок. Все вокруг становится черно-белым. Бег облаков по небу прекращается. Ветер тоже перестает дуть. Терен поворачивается ко мне, и его улыбка гаснет. Толпа не понимает, что происходит.

Потом у меня в груди раздаётся знакомый треск. Мир возвращается в привычное состояние. Гудит пламя, пожирая хворост. Но синее небо над головой стремительно темнеет.

Облака из белых становятся черными, принимая устрашающие очертания. Солнце еще пробивается сквозь них, но его свет потерял всякую естественность. Среди бела дня наступает ночь. Толпа разражается испуганными криками. Инквизиторы выхватывают мечи. Как и зеваки, больше похожие теперь на оцепеневшее стадо, они пристально смотрят в небо.

У меня перехватывает дыхание. Не представляю, как остановить разгул стихии.

Кошмар продолжается. По небу движется что-то черное, но это не тучи. Это сгустки черных пятнышек, которые вдруг начинают падать вниз. Саранча! Она дождем сыплется на головы вопящих от страха людей. Крики тонут в мерном, неумолимом жужжании. Инквизиторы неистово размахивают мечами. Бесполезно.

Языки пламени лижут мне ноги. Чувствую нестерпимый жар. Саранча поглотит меня раньше, чем я сгорю.

Пытаюсь хотя бы немного отодвинуться от пылающего хвороста и вдруг замечаю странное явление. Саранча приближается и... проходит сквозь меня, не причинив ни малейшего вреда. Это призрачные насекомые. *Они пролетают сквозь тела инквизиторов и беснующейся толпы.*

«Иллюзия! — догадываюсь я. — Саранча столь же призрачна, как и черные фигуры, напавшие на моего отца».

Один инквизитор неуклюже поднимается на ноги. Дым разъедает ему глаза. Он машет мечом, указывая на меня, а потом, шатаясь, направляется ко мне. Я собираю последние силы и дергаю цепи. Из-под запястий брызжет кровь. Инквизитор все ближе. Он идет, не обращая внимания на призрачную саранчу.

И вдруг...

Передо мною что-то мелькает. Что-то сапфирово-синее и серебристое. Пламя возле

моих ног гаснет, оставляя струйки дыма.

Потом я замечаю фигуру человека. Он движется с умопомрачительным изяществом, оказываясь между мною и инквизитором. Совсем молодой парень. Во всяком случае, так мне кажется. Откуда он взялся? Не в пример черным небесам и саранче, он совершенно реален. На нем сапфирово-синий плащ с капюшоном. Лицо полностью закрыто серебряной маской. Парень наклоняется в сторону инквизитора. В обеих руках у него по длинному кинжалу.

Инквизитор останавливается как вкопанный. Чувствуется, он растерян.

— Отойди прочь, — требует он.

Парень в серебряной маске склоняет голову набок.

— Как невежливо, — густым насмешливым голосом произносит он.

Даже в этом невообразимом хаосе голосов я слышу его слова.

Инквизитор делает выпад, норовя ударить парня мечом. Тот танцующим движением уклоняется и сам наносит удар кинжалом. Кинжал глубоко вонзается в тело инквизитора. Миротворец короля, похоже, не верит, что его жизнь вот-вот оборвется. Он выпучивает глаза и визжит, как свинья под тесаком мясника. Я ошеломлена и не могу даже вскрикнуть, но что-то во мне искренне радуется.

Инквизиторы бросаются к убитому соратнику. Парень справился с одним, но как он выстоит против дюжины? А он лишь кивает, подзадоривая их подходить ближе. Они подходят, и парень проскальзывает сквозь них, как ручей сквозь камни. Все его тело — сплошное движение. Серебристые лезвия кинжалов маленькими молниями сверкают в темноте. Ближайший к парню инквизитор замахивается, собираясь перерубить его надвое, однако парень успевает отсечь ему руку. Меч с лязгом падает. Парень поддевает его ногой, ловит и сжимает в руке.

Приглядевшись, я замечаю еще несколько фигур в плащах и масках. Парень пришел не один.

— Это Жнец! — кричит Терен, указывая на парня с инквизиторским мечом.

Терен бросается к парню. Бледно-голубые глаза радостно блестят.

— Схватить его! — командует Главный Инквизитор.

Жнец. Я встречала это имя на амулетах, рядом с тремя другими именами Молодой Элиты.

Инквизиторы несутся к эшафоту. Парень замирает, глядя на них. С лезвий кинжала и меча капает кровь. Потом Жнец выпрямляется, вскидывает руку над головой и резко чертит в воздухе дугу.

Из-под его рук вырывается столб огня и окружает эшафот, отделяя нас от нападающих. С другой стороны завесы доносятся испуганные вопли.

Парень подходит ко мне. Огонь, бушующий за его спиной, делает Жнеца похожим на посланца ада. Маска скрывает все, кроме его глаз — черных как ночь, но удивительно живых.

Жнец молча хватается за нижние цепи, которыми скованы мои ноги. От его прикосновения железо раскаляется добела. Цепи плавятся. Мои ноги свободны. То же самое он проделывает с петлей на моей шее. Последними он освобождает мои руки.

«Стену опалило, а тела этих несчастных оплавилась изнутри».

У меня нет сил стоять на ногах. Я падаю, но парень подхватывает меня, как перышко. Напрягаюсь всем телом, думая, что его прикосновение обожжет мне кожу. От парня пахнет дымом. От его тела исходит жар. Я устало упираюсь ему в плечо. Совсем не могу

сопротивляться, однако все равно пытаюсь. Все вокруг тонет во тьме.

— Не дергайся, — шепчет мне парень. — Держись крепче.

— Я могу идти, — бормочу я, но это лишь слова.

Я обессилена так, что не могу даже думать. Он куда-то меня несет. Погружаюсь во тьму.

Последнее, что успеваю заметить, — серебристый знак на его наручах.

Знак кинжала.

Эстенция
Северная Кенеттра
Морские земли

На севере расположены заснеженные Небесные земли. На юге — Солнечные земли с их изнурительным зноем. А между ними находятся острова, составляющие Морские земли. Их населяют разные народы. В мире, разрываемом крайностями, Морские земли — настоящая жемчужина богатства и торговли.

Этьен Ариата. Народы Небесных, Солнечных и Морских земель

Мне снится Виолетта. Поздняя весна. Ей восемь, мне — десять, и мы пока еще ничего не понимаем во взрослом мире.

Мы с ней играем в садике за нашим домом. Зеленый прямоугольник, со всех сторон окруженный старыми каменными стенами. Стены изрядно обветшали, их камень потерял былую твердость. В садик ведет ярко-красная калитка с ржавым засовом. Я люблю наш садик. Стены густо поросли плющом. Ветви полны белых цветков, пахнущих свежестью дождя. В саду есть и другие цветы: оранжевые розы, островки ярко-синих васильков, красные олеандры, сиреневые барвинки и кустики белых лилий.

Мы с Виолеттой всегда любили играть в зарослях папоротника, росшего повсюду, и прятались в его тени... Я сижу на траве, расправив подол платья, и терпеливо жду, пока Виолетта не вплетет мне в волосы корону из барвинка. У нее тонкие, проворные пальчики. От сладковатого аромата цветов мои мысли становятся такими же приятными. Я закрываю свой единственный глаз и представляю у себя на голове настоящую корону из золота, серебра и рубинов. Косы Виолетты щекочут меня. Я слегка пихаю сестру в бок, стараясь не засмеяться. Она хихикает и целует меня в щеку. Я наклоняюсь к ней, размяченная пожим дном и благодушным настроением. Затягиваю любимую мамину колыбельную. Виолетта внимательно слушает, словно я и есть наша мать, которую она почти не помнит. Воспоминания... Я помню то, чего не помнит сестра.

Плетение цветочной короны — занятие однообразное, и я как могу развлекаю сестру. Рассказываю ей старую сказку, которую слышала от матери.

— Мама часто говорила, что внутри лилий живут крошечные феи. Когда идет дождь и цветки опадают на землю, феи любят купаться. И тогда их можно увидеть.

Красивое личико Виолетты озаряется улыбкой. Она еще верит в подобные сказки.

— Фей действительно можно увидеть?

Я улыбаюсь наивности сестры. В этот момент мне и самой хочется верить в фей.

— Конечно. Я их видела.

Через мгновение Виолетта забывает о феях. Ее внимание привлекает шорох в папоротнике. У сестры округляются глаза. Бабочка. Почему-то она торопится укрыться в траве. Присмотревшись, вижу: у бабочки только одно крылышко. Красивое, отливающее бирюзой. Второго нет.

— Бедняжка, — приговаривает Виолетта, сажая покалеченную бабочку себе на ладонь.

Бабочка вяло шевелит оставшимся крылышком. На ладонь сестры сыплется золотая пыльца. Похоже, кто-то пытался съесть несчастное насекомое, но сумел откусить лишь одно

крылышко. Темные глаза Виолетты полны ужаса и сострадания.

— Как ты думаешь, я могу ее спасти?

Я пожимаю плечами и тихо, чтобы еще сильнее не раздосадовать сестру, отвечаю:

— Боюсь, что нет. Она умрет. Или ее съедят.

— Откуда ты знаешь? — упрямится Виолетта, любуясь увечным насекомым.

— Я говорю правду.

— А почему ты не хочешь спасти бабочку?

— Я и хотела бы, но это невозможно.

Виолетта опечаленно трясет головой. Чувствуется, ей не понравились мои слова. Меня это начинает раздражать.

— Зачем тогда спрашиваешь, если сама уже знаешь ответы? — Теперь я говорю с ней холодно. — Виолетта, вскоре ты поймешь, что не все живут легко и весело, как ты. Бывают увечья, которые уже не исправить.

Я смотрю на бабочку, ковыляющую по ладони сестры. Изуродованное туловище насекомого вызывает у меня всплеск злости. Резко смахиваю бабочку на траву. Она приземляется на спину и беспомощно сучит лапками.

Мгновенно спохватываюсь. *Зачем я это сделала?*

Виолетта заливается слезами. Я не успеваю попросить у нее прощения. Сестра вскакивает. Цветки барвинка из недоконченной короны разлетаются в разные стороны.

Сестра хочет убежать от меня, поворачивается и вдруг видит отца. От него сильно пахнет вином. Этот запах часто сопровождает его, паря невидимым облачком над головой. Отец наклоняется к Виолетте, и она тут же вытирает глаза. Он хмурится.

— Виолетта, дитя мое, почему ты плачешь? — спрашивает отец, глядя ее по щеке.

— Это так, понарошку, — шепотом отвечает сестра. — Мы хотели спасти бабочку.

Взгляд отца находит в траве умирающее насекомое.

— Обе? — недоверчиво спрашивает отец. — Сомневаюсь, что твоей сестре хотелось ее спасти.

— Аделина показывала, как это надо делать, — пытается врать Виолетта.

Увы, слишком поздно. Думаю, отец видел, как я сбрасывала несчастную бабочку с ее ладони. Отцовский взгляд перемещается на меня.

Мне делается страшно. Начинаю отползать, поскольку знаю, чем это закончится. Когда кровавая лихорадка выкосила треть взрослого населения и покалечила детей, мы вызвали жалость. Нас называли бедняжечками и гладили по голове. Все изменилось после смерти родителей нескольких мальфетто. Все эти люди не просто умерли, а были убиты или стали жертвами несчастных случаев. И тогда в храмах объявили произошедшее вмешательством демонов, и нас прокляли. «Держитесь подальше от этих уродцев. Они приносят сплошные беды». Вот так жалость сменилась страхом. А к страху, учитывая нашу пугающую внешность, быстро добавилась ненависть. Поползли слухи, будто мальфетто обладают сверхъестественными силами, которые проявляются, если увечного ребенка разозлить или испугать.

Моего отца это заинтересовало. Если и я обладаю какими-то способностями, из меня можно извлечь выгоду. Отец мог бы продать меня в цирк уродов и получить не только деньги, но и соответствующий документ от инквизиции, тем самым вернув себе репутацию добропорядочного негоцианта. Или же он мог бы распоряжаться моими способностями по своему усмотрению. Узнав об этом, отец несколько месяцев подряд пытался что-то во мне

пробудить.

Он подает мне знак приблизиться. Подхожу. Его холодные ладони касаются моего подбородка. Мы оба молчим. Мне тягостна каждая секунда. Пытаюсь сказать, что не хотела огорчать Виолетту и готова извиниться перед ней, но страх сдавливает мне горло. Представляю, как скрываюсь от отца за темной завесой. Там, где он меня не увидит и не достанет. Сестра прячется за отцовской спиной. Ее глаза широко распахнуты. Взгляд бежит от меня к отцу. Как и я, она испугана его внезапным появлением.

Отец снова смотрит на умирающую бабочку, барахтающуюся в траве.

— Доканчивай начатое. — Он кивает на увечное насекомое.

Я не двигаюсь с места.

— Чего ты медлишь? — с пугающей ласковостью спрашивает он. — Ты ведь этого хотела. — Отцовские пальцы больно сжимают мой подбородок. — Подними бабочку!

Дрожа, я выполняю отцовское повеление. Зажав между пальцами бирюзовое крылышко, поднимаю несчастную бабочку в воздух. Кожа вокруг запястья покрывается золотистой пылью. Бабочка отчаянно перебирает лапками, борясь за жизнь. Отец улыбается. В глазах Виолетты блещут слезы. Мы обе и подумать не могли, чем закончится история с однокрылой бабочкой.

— А теперь оторви ей второе крылышко! — требует отец.

— Папа, не надо, — пробует возразить Виолетта.

Она обнимает отца за шею, пытаюсь разжалобить. Бесполезно.

Кусаю губы, чтобы не заплакать.

— Не хочу, — шепотом произношу я, но при встрече с отцовским взглядом все дальнейшие слова застывают у меня в горле.

Я беру туловище бабочки в другую руку и все теми же двумя пальцами отрываю второе крылышко. Мне кажется, что вместе с ним у меня разорвется сердце. Искалеченное, но все еще живое создание ползает по моей ладони. Внутри меня шевелится что-то темное и мрачное.

— Убей ее!

Словно в тумане, надавливаю большим пальцем на бескрылое туловище обреченной бабочки. Слышу негромкий хруст. Бабочка умирает не сразу. Еще несколько секунд она дергается в судорогах.

Виолетта плачет.

— Замечательно, Аделина. Мне нравится, когда ты показываешь свою истинную суть. — Отец берет меня за руку. — Тебе это доставило наслаждение?

Хочу покачать головой, но его глаза заставляют меня замереть. Отцу нужно, чтобы я что-то выпустила из себя. Но что? Если там что-то и есть, я не знаю, как это вытащить наружу. Киваю в ответ. «Да, мне это доставило наслаждение. Огромное наслаждение. Я скажу любые слова, какие тебе хочется от меня услышать, только не делай мне больно».

Отец не отпускает мою руку и все больше хмурится.

— Аделина, внутри тебя должно быть что-то. Какие-то способности. — Он трогает мой безымянный палец. — Покажи их. Должна же быть хоть какая-то польза от твоего увечья. Мне нужно убедиться, что ты не напрасно ешь мой хлеб.

Я сильно испугана и не знаю, как ему ответить.

— Прошу прощения, — наконец выговариваю я. — Я не хотела огорчать Виолетту. Я лишь...

— Нечего оправдываться. — Отец оглядывается. — Виолетта, подойди сюда. Ближе. Посмотрим, годна ли твоя сестра хоть на что-то.

«Есть ли у нее то, что я мог бы выгодно продать».

— Папа, не трогай ее, — хнычет Виолетта, повисая у него на руке. — Аделина не сделала мне ничего плохого. Мы просто играли. А потом я увидела эту бабочку...

Мы обмениваемся лихорадочными взглядами. «Виолетта, спаси меня».

Отец отталкивает Виолетту и еще крепче сжимает мой безымянный палец.

— Аделина, неужели ты такое же никчемное создание, как та бабочка?

Я отчаянно мотаю головой. «Нет. Пожалуйста, дай мне шанс».

— Так покажи. Покажи, на что ты способна.

Потом он ломает мне верхний сустав безымянного пальца.

* * *

Я просыпаюсь, давясь безмолвным криком. Искалеченный палец болит так, будто его сломали только что, а не шесть лет назад. Принимаюсь его растирать, как всегда пытаюсь выпрямить искривленный сустав. Внутри меня бурлят темные волны. Отцу нравилось, когда меня захлестывало ощущение собственного уродства.

Щурюсь от света. Куда я попала? Из арочных окон льются косые лучи солнца. Комната мне не знакома. Солнце окрашивает ее в кремовые тона. Легкий ветерок колышет тонкие, прозрачные занавески. Рядом с кроватью замечаю стол с раскрытой книгой, чернильницей и пером. На комодах и балконных карнизах стоят чаши с лепестками жасмина. Наверное, это их сладковатый аромат навеял мне сон о нашем садике. Осторожно поворачиваюсь и вижу, что лежу на кровати с вышитыми подушками. Одеяло такое же. Моргаю, не понимая, как я сюда попала.

Наверное, я умерла. Однако комната совсем не похожа на преисподнюю. Там должно быть полным-полно темной воды и уж точно нет никакого солнца. Что со мной произошло? Меня ведь собирались сжечь. Я помню эшафот, строй инквизиторов вокруг. Помню, как билась в цепях. Оглядываю свои руки. Они забинтованы. Пытаюсь пошевелить ими. Обожженная кожа сразу отзывается болью. Вся грязная, рваная одежда, что была на мне, исчезла. Сейчас я одета в сине-белый хитон. Кто же меня вымыл и переодел? Дотрагиваюсь до головы и вздрагиваю. Там, где отец вырвал у меня приличный клочок волос, обнаруживаю повязку. Осторожно провожу рукой по остальной части головы. Волосы у меня тоже чисто вымыты. Морщу лоб, пытаюсь вспомнить еще что-нибудь.

Терен, Главный Инквизитор. Погожий день, солнце и синее небо. Громадный чугунный столб, окруженный солдатами инквизиции. Зажженный факел, который бросили в вязанку хвороста возле моих ног.

А потом я устроила тьму кромешную. Мой единственный глаз округляется. Ко мне стремительным потоком возвращается память.

Воспоминания прерывает стук в дверь.

— Войдите, — отвечаю я.

Странно отдавать приказы в неизвестно чьем помещении. Привычно прикрываю волосами левую половину лица, пряча шрам.

Дверь открывается. Входит молодая служанка. Увидев, что я проснулась, радостно

улыбается и спешит к постели. В руках у нее поднос, заставленный едой, и хрустальный бокал с искрящимся напитком. Слоистый розовый хлеб испекли совсем недавно, от него еще идет пар, приличный кусок мяса с золотистым картофелем, замороженные фрукты, пирог с малиной, украшенный яичной глазурью. От аромата масла и пряностей у меня кружится голова. Я целый месяц не ела настоящей пищи. Видя, как я уставилась на ломтики свежих персиков, служанка улыбается:

— У нас есть поставщик, который снабжает нас лучшими фруктами во всей Золотой долине.

Служанка ставит поднос на комод рядом с кроватью и проверяет мои повязки. Я с восхищением смотрю на ее платье. Будучи дочерью негоцианта, я понимаю толк в тканях. Платье сшито из сверкающего атласа и оторочено золотой нитью. Слишком дорогой наряд для служанки. Это вам не какая-нибудь грубая холщовая ткань, продаваемая за несколько медных лунсов. Атлас явно привезен из Солнечных земель и за него уплачено золотыми талантами.

— Я дам знать, что вы пробудились, — говорит служанка, осторожно развязывая повязку на моей голове. — После нескольких дней отдыха вы выглядите гораздо лучше.

Ее слова приводят меня в замешательство.

— Дадите знать? Кому? Сколько я вот так проспала?

Служанка краснеет и прикрывает лицо руками. Ухоженными руками, надо сказать. С безупречными ногтями, как у знатной дамы. Кожа блестит от ароматных масел. Куда же я попала? Дом, где у служанок вид аристократок, никак не назовешь обычным.

— Простите, госпожа Амотеру.

Она даже знает, как меня зовут!

— Мне велели не слишком много с вами разговаривать. Должна вас заверить, что здесь вы в полной безопасности. Скоро он сам появится и все вам объяснит. — Она умолкает, потом указывает на поднос. — Подкрепитесь, молодая госпожа. Вы, должно быть, сильно проголодались.

Я жутко голодна, однако не тороплюсь браться за еду. То, что служанка возится с моими ранами, вовсе не объясняет, *зачем* меня лечат. Я сразу вспоминаю крестьянку, к которой попросилась на ночлег, а она выдала меня инквизиции. Вдруг эта соблазнительная еда напичкана отравой?

— Пока мне что-то не хочется есть, — вру я, вежливо улыбаясь. — Но вы не уносите еду. Я поем... потом.

Служанка тоже улыбается. Вроде бы с оттенком сочувствия.

— Я ведь не заставляю вас есть прямо сейчас. Я оставлю поднос. Когда захотите, тогда и будете есть. Правда... жаркое может остыть, а замороженные фрукты растают. — Заслышав шаги в коридоре, служанка умолкает. — Он, — почти шепотом произносит она. — Должно быть, уже знает.

Она выпускает мою руку, торопливо кланяется и спешит к двери. В этот момент дверь открывается и входит молодой парень.

Что-то в его облике кажется мне знакомым. Ну конечно — глаза! Я сразу вспоминаю эти глаза: черные как ночь, с густыми ресницами. Это мой таинственный спаситель. Сегодня он без серебряной маски и плаща с капюшоном. На нем рубашка из тонкого полотна и черный бархатный камзол, отороченный золотом. Такую одежду носят лишь самые богатые аристократы. Он высок ростом. У него светло-коричневая кожа уроженца Северной

Кенеттры. Узкое лицо с высокими скулами. Красивое лицо, надо сказать. Но больше всего меня поражают его волосы. При свете они имеют темно-красный цвет и кажутся почти черными. Волосы густого кровавого оттенка. Таких волос я еще не видела. Сзади они увязаны в свободную косичку. Волосы не от мира сего.

Как и на мне, кровавая лихорадка оставила на нем свою отметину.

Служанка застывает в низком поклоне и что-то бормочет. Слов мне не разобрать. Ее лицо становится ярко-красным. С парнем... надо понимать, ее хозяином, она говорит совсем не так, как со мной. Тогда она держалась уверенно, а сейчас похожа на робкого, испуганного ребенка.

Парень отвечает на ее слова легким кивком. Не теряя ни мгновения, служанка снова кланяется и убегает. Мое беспокойство тоже нарастает. Я помню, как он, невзирая на свою молодость, играючи расправился с отрядом инквизиции. Его противниками были взрослые крепкие мужчины, хорошо обученные сражаться. А он расшвырял их, будто оловянных солдатиков.

Он проходит по комнате. Все то же нечеловеческое изящество движений. Видя, как я пытаюсь сесть прямее, небрежно взмахивает рукой. На пальце, поймав солнечный луч, вспыхивает золотое кольцо.

— Чувствуй себя как дома, — говорит он.

Теперь я вспоминаю и его голос: мягкий, бархатистый, где за бархатом интонаций скрываются неведомо какие тайны. Он пододвигает кресло поближе к моей кровати и садится. Потом подается вперед, упирая подбородок в ладонь. Вторая рука остается на эфесе кинжала, подвешенного к поясу. Даже в теплом помещении на его руках тонкие перчатки. Присмотревшись, замечаю на них капельки засохшей крови. Меня прошибает дрожь. Парень не улыбается.

— Ты ведь отчасти тамуранка, — помолчав, произносит он.

— Что? — растерянно спрашиваю я.

— Амотеру — фамилия тамуранская. У коренных жителей Кенеттры таких фамилий нет.

Откуда ему так много известно про Солнечные земли? Даже среди тамуранцев фамилия Амотеру встречается редко.

— В Южной Кенеттре живет немало выходцев из Тамуры, — наконец отвечаю я.

— У тебя наверняка было и тамуранское младенческое имя.

Эти слова парень произносит непринужденно, будто я пришла к нему в гости, а не попала сюда прямо с эшафота.

— В детстве мама звала меня *ками гоургаем*, — говорю я. — Это означает «моя маленькая волчица».

Он слегка наклоняет голову:

— Интересный выбор имени.

Его вопрос пробуждает во мне давние воспоминания о матери. Последние счастливые месяцы перед нашествием кровавой лихорадки. «В тебе, ками гоургаем, пылает огонь твоего отца», — говорила она, глядя мое лицо своими теплыми руками. Она улыбалась, но как-то странно. Мягкие черты ее лица почему-то становились суровее. Помню, потом она поцеловала меня в лоб. «Это хорошо. В здешнем мире тебе понадобится огонь».

— Мама считала волков красивыми зверями, — отвечаю я.

Парень разглядывает меня со спокойным любопытством. По моей спине ползет тонкая

струйка пота. Появляется смутное ощущение, что я где-то видела его, не только во время казни, а где-то еще.

— Думаю, маленькой волчице не терпится узнать, куда она попала.

— Да, конечно, — улыбаюсь я, стараясь показать, что ему нечего опасаться. — Буду вам очень признательна за пояснения.

Я не настолько безрассудна, чтобы вызвать неудовольствие у этого виртуозного убийцы. Достаточно взглянуть на его перчатки, густо усеянные пятнами крови.

Выражение его лица становится отрешенным и сдержанным.

— Ты находишься в самом центре Эстенции.

Я едва сдерживаю крик. Столица Кенеттры. Портовый город на северном побережье. Такая же крайняя точка на севере, как и Далия на юге. Конечный пункт моего несостоявшегося бегства. Мне хочется вскочить с постели, подбежать к открытому окну и полюбоваться на этот сказочный город, но я подавляю волнение и вновь сосредоточиваюсь на молодом аристократе, сидящем напротив меня.

— А кто вы... господин? — спрашиваю я, не забывая об учтивости.

— Меня зовут Энцо. — Он слегка наклоняет голову.

— Вас называли... там, на площади... они называли вас Жнецом.

— Да. Я известен и под таким именем.

У меня волосы становятся дыбом.

— Почему вы меня спасли?

Впервые за время нашего разговора напряжение на его лице уступает место легкой улыбке удивления.

— Вообще-то, другие сначала меня благодарили.

— Благодарю вас, господин Энцо. Так почему вы меня спасли?

Под его пристальным взглядом я густо краснею.

— Я удовлетворю твое любопытство.

Он меняет позу и снова наклоняется вперед. Я замечаю на его кольце простую гравировку: ромб со слегка скругленными сторонами.

— Вернемся к утру твоего сожжения. Скажи, ты впервые сотворила нечто сверхъестественное?

Я отвечаю не сразу. Может, соврать? Но ведь он наверняка знает, что меня арестовали и приговорили к смерти. Решаю сказать правду.

— Нет, не впервые.

Энцо задумывается над моим ответом. Затем протягивает ко мне руку и, по-прежнему не снимая перчаток, щелкает пальцами.

С пальцев срывается огонек и начинает жадно лизать воздух. В отличие от моей иллюзорной темноты, огонь кажется вполне реальным. Воздух начинает дрожать от его тепла. То же тепло ощущают и мои щеки. Передо мной несутся жуткие воспоминания утра моего сожжения. Я в ужасе сжимаюсь. Тогда он отделил эшафот огненной стеной. И тот огонь был вполне настоящим.

Энцо качает рукой, и пламя гаснет. Остается лишь тоненькая струйка дыма. Мое сердце бьется еле-еле.

— Когда мне было двенадцать, — начинает он, — кровавая лихорадка добралась до Эстенции. Она свирепствовала целый год. Из всей нашей семьи заболел только я. Еще через год врачи объявили меня выздоровевшим, однако я чувствовал, что со мной продолжают

твориться странные вещи. Мне становилось то нестерпимо жарко, то нестерпимо холодно. Потом вдруг обнаружилось вот это. — Он смотрит на свою руку и снова поднимает глаза на меня. — Ну а какова твоя история?

Я открываю рот и тут же закрываю снова. Продолжаю думать о кровавой лихорадке. Целое десятилетие она волнами накатывалась на страну, начавшись в моей родной Далии и завершившись в Эстенции. И потери здесь были самыми значительными среди кенеттранских городов. Сорок тысяч горожан умерли, и еще сорок тысяч навсегда получили отметины. Почти треть населения Эстенции. Говорили, что столица до сих пор не преодолела всех последствий эпидемии.

— Моя история слишком личная, чтобы рассказывать ее человеку, с которым я едва знакома, — наконец отвечаю я.

Энцо встречает мои слова с непоколебимым спокойствием.

— Я рассказываю свою историю отнюдь не для того, чтобы ты могла получше меня узнать. У меня другая цель — предложить тебе соглашение.

— Вы один из...

— И ты тоже, — перебивает меня Энцо. — Ты умеешь создавать иллюзии. Естественно, ты привлекла мое внимание. — Видя мой скептический взгляд, он продолжает: — Сюда дошли сведения, что храмы Далии переполнены испуганными верующими. И знаешь, когда это случилось? После твоей стычки с отцом.

Я умею создавать иллюзии. Вызывать несуществующие образы и заставлять других верить в их реальность. Меня начинает мутить. «Аделина, ты чудовище». Я инстинктивно провожу рукой по другой руке, словно пытаюсь избавиться от чего-то. Отец изо всех сил пытался спровоцировать меня на нечто подобное. И теперь я здесь, а отец — на том свете.

Энцо терпеливо ждет, когда я снова заговорю. Не знаю, сколько времени проходит, прежде чем я нахожу силы продолжить.

— Я заболела кровавой лихорадкой в четыре года. Врачам пришлось выжечь мне левый глаз... А *это* я делала... только дважды. В детстве у меня не проявлялось никаких странностей.

Он кивает:

— У одних эти силы проявляются раньше, у других позже, но наши истории одинаковы. Аделина, я знаю, каково расти, будучи мальфетто. И здесь нам ничего не надо друг другу объяснять. Мы все это понимаем.

— Мы все? — переспрашиваю я, вспоминая деревянные амулеты и слухи о Молодой Элите. — Значит, есть и другие?

— Да. Они есть повсюду.

Ветроходец. Чародей. Алхимик.

— Кто они? Сколько их?

— Пока немного, но их число растет. Через несколько лет после того, как кровавая лихорадка покинула Кенеттру, мы начали заявлять о своем присутствии. Странности происходили то в одном, то в другом месте. Семь лет назад жители Тризе-ди-Маре забили камнями девочку. Она не сделала ничего плохого: просто в разгар лета покрыла льдом местный пруд. А пять лет назад в Адаре сожгли парня, и опять из-за невинного пустяка. Дело было ранней весной. Он подвел свою девушку к цветочной клумбе, и у нее на глазах клумба запестрела распустившимися цветами. — Энцо поправляет перчатки, и я невольно смотрю на пятна запекшейся крови. — Как ты понимаешь, у меня были веские основания держать

свои способности в тайне. Но потом я встретил человека, обладавшего не менее странными способностями. И у него они появились после кровавой лихорадки. И тогда я перестал таиться.

— Значит, вы Молодая Элита. — Я произношу эти слова вслух.

— Так прозвали нас люди за молодость и сверхъестественные способности. Инквизиция терпеть не может это название. — Энцо улыбается. Совсем как напроказничавший мальчишка. — Я глава Общества Кинжала. Это одна из групп Молодой Элиты. Мы ищем себе подобных, стремясь опередить инквизицию. Думаю, такие же элиты есть во всех уголках мира. Моя цель — объединить их все. Каждый раз, когда инквизиция думает, будто они поймали человека из Молодой Элиты, они сжигают свою жертву, как пытались сжечь тебя. Некоторые семьи изгоняют таких, как мы, веря, что мальфетто приносят несчастья. И король объясняет свое никудышное правление вмешательством мальфетто. Можно подумать, это мы виноваты в постоянном обнищании страны. Если мы не будем наносить ответных ударов, король и его Ось Инквизиции перебьют нас всех. Каждого, кого в детстве пометила кровавая лихорадка. — Его глаза становятся жесткими. — Но мы наносим ответные удары. Правда, Аделина?

Слова Энцо заставляют меня вспомнить о странном шепоте, сопровождавшем мои иллюзии. Это были голоса чего-то темного, могущественного и мстительного. Они призывали не оставаться в долгу. Мне сдавливает грудь. Я боюсь. И в то же время заинтригована его словами.

— Что вы намерены сделать? — тихо спрашиваю я.

Энцо откидывается на спинку кресла, смотрит в окно.

— Разумеется, мы захватим трон.

Он произносит это обыденным, даже равнодушным тоном, словно говорит о своем завтраке.

Неужели он хочет убить короля? А как он надеется одолеть инквизицию?

— Это невозможно, — шепчу я.

Энцо искоса смотрит на меня. В его взгляде — любопытство и непонятная мне угроза.

— Так ли уж невозможно?

У меня покалывает кожу. Я всматриваюсь в своего спасителя и... чуть не вскрикиваю, успев прикрыть рот. *Вспомнила, где видела его раньше!*

— Вы... — запинаясь я. — Вы принц.

Ничего удивительного, что мне знакомо его лицо. Я видела много детских портретов наследного принца Кенеттры. Тогда он был кронпринцем, нашим будущим королем. Ходили слухи, что он умер от кровавой лихорадки. Однако он выжил, получив свою отметину. Теперь о престолонаследии не могло быть и речи. Затем все официальные сообщения о судьбе принца прекратились. Вскоре король умер. Старшая сестра Энцо лишила его всех прав, изгнала из дворца, под страхом смерти запретив появляться вблизи королевской семьи. Королем стал ее муж, влиятельный и властолюбивый герцог.

Я невольно склоняю голову и шепчу:

— Ваше королевское высочество.

Энцо отвечает едва заметным кивком.

— Теперь ты знаешь истинную причину гонений на мальфетто. Король и королева весьма преуспели в этом. Можно придумывать любые небылицы о мальфетто. Простонародье трепещет от страха. У инквизиции развязаны руки. И все с одной-

единственной целью — не допустить меня к трону.

У меня дрожат руки. Теперь мне понятны замыслы Энцо. Он собирает сподвижников, чтобы с их помощью вернуть свои права.

Энцо наклоняется ко мне. Настолько близко, что я замечаю ослепительно-красные нити в его глазах.

— Аделина Амотеру, я предлагаю тебе соглашение. Ты можешь до конца своих дней скитаться, прячась от инквизиции. Одиночество. Жизнь без друзей, поскольку в каждом ты будешь подозревать предателя. Ты станешь замирать от каждого стука и шороха, боясь, как бы Ось Инквизиции не выследила тебя и не казнила за преступление, которого ты не совершала. Или же ты можешь... примкнуть к нам. Дарование, которым тебя наградила кровавая лихорадка, вовсе не такой пустяк, как может показаться. Существуют знания и упражнения, позволяющие управлять твоей силой. Тебе она кажется хаотичной, но во всяком хаосе есть своя причина. Повторяю: ты можешь научиться этим управлять. И будешь щедро вознаграждена.

Я молчу. Энцо касается моего подбородка.

— Скажи, сколько раз тебя называли уродиной? — шепотом спрашивает он. — Недоразумением? Чудовищем? Никчемностью?

Кто считает подобные вещи? Одно могу сказать: сплошь и рядом. Если не вслух, то мысленно.

— Тогда позволь рассказать тебе один секрет. — Энцо наклоняется к самому моему уху. По моей спине ползут мурашки. — Ты ни в коем случае не никчемность и не недоразумение. Почему же никто не боится тех, кто родился увечным или стал таковым в детстве? Почему их не называют мальфетто? Люди боятся тебя не просто так. Тебя и таких, как ты. Знай, Аделина: боги даровали нам необычные способности, потому что мы рождены, чтобы властвовать.

В моем мозгу проносится вихрь мыслей. Воспоминания детства. Лица сестры и отца. Подземная тюрьма инквизиции. Чугунный столб на эшафоте. Бледные глаза Терена. Толпа, желающая мне поскорее сдохнуть. Я вспоминаю, как любила сидеть на ступеньках лестницы и смотреть вниз, воображая себя королевой. Если я соглашусь, мне больше не придется бегать от инквизиции. Я поднимусь над теми, кто всегда проклинал и унижал меня.

И вдруг страх перед Осью Инквизиции уходит далеко-далеко. Наверное, сказывается присутствие Энцо — и Молодой Элиты в его лице.

Энцо внимательно наблюдает за мной. Смотрит, как свет меняет оттенок моих волос и ресниц. Его взгляд останавливается на прядке волос, скрывающей шрам. Я краснею. Он протягивает руку. Рука замирает, словно Энцо ждет, что я отпряну. Я молча жду. Энцо осторожно отводит волосы, обнажая шрам на месте моего левого глаза. Тепло его пальцев мгновенно заливает не только мое лицо, но и все тело, заставляя сердце бешено колотиться.

Энцо молчит. Потом вдруг снимает перчатки. Я вскрикиваю. Кожа перчаток скрывала кожу его обожженных рук. Ожоги были просто чудовищными. Затем они покрылись толстыми слоями шрамов. Но не везде. Среди бугров по-прежнему видны ярко-красные точки. Энцо снова надевает перчатки, и его руки обретают прежнюю элегантность. Черная кожа с пятнами засохшей крови. Руки, наделенные необыкновенной силой.

— Научись гордиться своим увечьем, — тихо говорит он. — Оно обернется твоим достоинством. Если ты станешь одной из нас, я научу тебя носить эти шрамы с гордостью, с какой ассасин носит свой кинжал. — Энцо щурится. Его легкая улыбка вновь становится

угрожающей. — Тебе решать, маленькая волчица. Скажи, ты хочешь наказать тех, кто причинил тебе зло?

Эстенция. Вторая половина дня, ближе к вечеру.

Главный внутренний двор королевского дворца, окаймленный колоннами. За одной из них стоит Терен. Его белый плащ почти сливается с мрамором. Ему очень не по себе. Можно даже сказать, что он испуган. Терен не замечает прихотливой игры солнечного света и теней на его лице. В отдалении, частично скрытая кустами роз, по тропинке идет королева Кенеттры. Идет одна. Ее темные волосы убраны в высокую прическу, оставлены лишь несколько локонов. Солнце красиво золотит ее кожу. Ее величество Джульетта Первая, королева Кенеттры.

Терен ждет, когда она поравняется с ним. В этот момент он хватает королеву за руку и осторожно увлекает в тень, отбрасываемую колонной.

Королева сдавленно вскрикивает, затем улыбается, увидев Главного Инквизитора.

— Значит, ты уже вернулся из Далии, — шепчет она. — И, как вижу, снова взялся за свои мальчишеские проделки.

Терен крепко прижимает ее к колонне, потом целует в шею. Сегодня на ней платье с особенно глубоким вырезом, подчеркивающим выпуклости ее груди. Терена охватывает ревность. Для кого она так нарядилась? Для короля? Или чтобы подразнить его? Король — зрелый мужчина, ему скоро пятьдесят. Терену всего девятнадцать. «Она благоволит ко мне только из-за моей молодости? — думает он. — Возможно, считает меня мальчишкой и разница в четыре года кажется ей слишком большой». И все же он на редкость удачлив, если сумел обратить на себя внимание королевы.

— Я вернулся минувшей ночью, — шепчет Терен и крепко целует королеву. — Ваше величество желали меня видеть?

Королева вздыхает. Терен целует ее в подбородок. Ее пальцы скользят по бороздам его серебряного пояса. Терен наклоняется к ней, полный желания.

— Да, — коротко отвечает королева, глядя ему в глаза.

У нее темные глаза. Настолько темные, что иногда кажутся совершенно пустыми. Два колодца, в которые можно упасть и разбиться насмерть.

— Ну как? Ее забрали?

— Забрали.

— Ты сумеешь снова ее разыскать?

Терен кивает:

— Уж не знаю, чем мы прогневили богов, если они насылают на нас столь ужасных демонов. Но обещаю вам: она послужит нашим замыслам. Она приведет нас прямо в их логово. Я уже отобрал пятерых своих лучших людей для слежки.

— А сестра этой девчонки? Ты упомянул ее в своем донесении.

Терен кланяется:

— Да, ваше величество. Виолетта Амотеру находится под моей опекой. Она вполне безобидна, — добавляет он, коротко улыбнувшись.

Королева одобрительно кивает. Щелкает застежкой на воротнике его плаща, раскрывает воротник и своим изящным пальцем проводит по шее Терена, останавливаясь на ключичной ямке. Терен шумно вздыхает. «Боги, как же я тебя хочу. Я люблю тебя, Джульетта, и знаю, что я тебя недостойн». Королева думает о чем-то своем. Она поджимает губы, затем снова

смотрит Терену в глаза:

— Дай мне знать, когда найдешь девчонку. Наглецы из так называемой Молодой Элиты сеют смятение в умах моих подданных. Мне это неприятно.

«Я сделаю для тебя что угодно», — думает Терен.

— Как прикажете, ваше величество.

Джульетта порывисто гладит его по щеке. Ее ладонь холодна.

— Король будет рад об этом услышать... когда вылезет из постели своей любовницы.

На двух последних словах она делает особый упор.

У Терена мрачнеет на душе. Сейчас король должен был бы присутствовать на заседании государственного совета, а не резвиться в постели с любовницей. «Это не король, а пустое место, — с неприязнью думает Терен. — Всего-навсего герцог, за которого королеве пришлось выйти замуж. Крикливый, высокомерный вельможа, не уважающий никого, кроме собственной персоны». Терен страстно целует королеву в губы. Его голос становится нежным и полным томления.

— Когда вы сегодня ко мне придете? Мне без вас так тоскливо.

— Вечером, как всегда.

Королева улыбается ему. Расчетливо. Улыбкой не по годам взрослой женщины, знающей, какие слова хочет от нее услышать мальчишка, сходящий с ума от любви. Притянув Терена к себе, она шепчет ему на ухо:

— Мне тоже без тебя тоскливо.

*Четыре места есть на свете, где и по сей день бродит дух...
Заснеженная Тьма Ночи, забытый рай Собри Элан, стеклянные
колонны Думона и... человеческий разум. Вечно загадочный мир, где
вечно гуляли и будут гулять призраки.*

Мардо Сеня. Объяснение древних и современных мифов

Всю неделю я не покидаю отведенной мне комнаты. Временами сознание оставляет меня, затем вновь возвращается. Просыпаюсь лишь затем, чтобы полакомиться пирожными и жареными перепелами, которые ежедневно приносят мне, да позволить служанке переодеть меня и сменить повязки.

Иногда заглядывает Энцо. Лицо его бесстрастно. На руках — неизменные перчатки. Кроме него и служанки, у меня не бывает никто. Энцо больше не упоминает об Обществе Кинжала. Не представляю, как они собираются распорядиться моими способностями.

Проходит еще несколько дней. Просперас, эвас, морас, амарас, сапиенас. Что-то сейчас поделявает Виолетта? Интересно, вспоминает ли она обо мне? Как ей живется? Пытается ли она разыскать меня или целиком поглощена своей жизнью?

К следующему просперасу я уже достаточно окрепла, и повязки на руках мне тоже не нужны. От ожогов остались лишь бледные шрамы, синяк на щеке исчез. Мое лицо снова стало привычным. Правда, за это время я похудела. Волосы на голове больше напоминают пучки травы, а к месту, откуда отец выдрал прядь, все еще больновато притрагиваться. Каждый вечер я смотрю на себя в зеркало. Пламя свечей делает мое лицо оранжевым, освежая покалеченную кожу на месте левого глаза. Где-то на задворках разума шевелятся мрачные мысли. Порой я слышу шепчущие голоса. Они пытаются привлечь мое внимание, зовут меня углубиться в мир теней, но я боюсь к ним прислушиваться.

Я ничуть не изменилась. И в то же время... изменилась до неузнаваемости.

* * *

Меня будят голоса в коридоре. Утро. Солнце только что взошло. Вслушиваюсь в разговор за дверью.

Голоса мне знакомы: Энцо и служанка.

— ...неотложные дела. Как госпожа Амотеру?

— Намного лучше. — (Молчание.) — Выше высочество, как мне быть с ней дальше? Она достаточно поправилась. Заключение в четырех стенах все сильнее тяготит ее. Может, вы позволите сводить ее на прогулку по двору?

Опять пауза. Представляю, как Энцо плотнее натягивает перчатки. Он стоит, отвернувшись, и, откровенно скучая, слушает речи служанки.

— Своди ее к Раффаэле.

— Слушаюсь, ваше высочество.

На этом их разговор заканчивается. Я слышу удаляющиеся шаги. Вскоре они полностью затихают. Значит, Энцо вынужден куда-то отправиться и его здесь не будет. Меня охватывает

досада. Я надеялась задать ему новые вопросы. Интересно, о каком дворе говорила служанка? О том, что примыкает к этому роскошному дому? Или о... королевском дворе? И кто этот Раффаэле?

До прихода служанки я продолжаю валяться в постели.

— Доброе утро, госпожа Амотеру, — произносит она, входя ко мне с охапкой одежды и тазом горячей воды. — Как приятно видеть вас такой румяной!

До сих пор не могу привыкнуть, что мне постоянно говорят комплименты и послушно выполняют любой мой каприз. Благодарно улыбаюсь служанке. Она умывает меня и одевает. Как всегда, в одежде только два цвета: белый и синий. Привычно прикрываю волосами левую часть лица и вздрагиваю, когда ее гребень задевает чувствительное место на голове.

Наконец мы готовы. Служанка выводит меня в коридор. Вдыхаю поглубже и впервые выхожу из комнаты.

Мы идем по узкому коридору, который затем разделяется на два. Я разглядываю стены. Их украшают картины, изображающие богов. Сюжеты мифов мне знакомы: прекрасный Пулькритас, выплывающий из моря, юный Лэтес, спускающийся с небес. Краски настолько яркие и живые, словно художники закончили эти полотна всего лишь неделю назад. Сводчатый потолок отделан мрамором: светлым, с изобилием темных прожилок. Я так долго разглядываю коридор, что отстаю и спохватываюсь, лишь когда служанка зовет меня и просит поторопиться. Прибавляю шаг. Пока мы идем, стараюсь заговорить со служанкой, однако стоит мне открыть рот, как она вежливо улыбается и отворачивается. Я понимаю намек. Мы еще раз куда-то сворачиваем и вдруг останавливаемся перед крепкой стеной, обрамленной колоннами.

Служанка подходит к одной колонне, касается ее сбоку, затем надавливает на стену. К моему удивлению, стена отъезжает в сторону, открывая новый коридор.

— Идемте, молодая госпожа, — обернувшись, зовет меня служанка.

Я в смятении следую за ней. Едва я вхожу, стена возвращается на место, словно и не было никакого прохода.

Чем дальше мы идем, тем большее любопытство меня разбирает. Надо ли говорить, что я впервые оказалась в столь причудливом здании? Вряд ли это место, где собираются члены Молодой Элиты. Сюда легко можно зайти с улицы. Люди, которых разыскивает инквизиция, считая их безжалостными и опасными убийцами, не стали бы так рисковать. Они наверняка прячутся там, где никаким инквизиторам и в голову не придет их искать. Тогда что же это за двор?

Мы проходим коридор и останавливаемся возле высоких двойных дверей. Они украшены изысканными гравированными изображениями Амаре — бога любви и Фортунаты — богини процветания. Их тела переплелись в страстном объятии. У меня перехватывает дыхание. Теперь я понимаю, куда меня привела служанка.

Это публичный дом.

Служанка толкает двери. Они бесшумно распахиваются. Мы входим в красиво убранную гостиную. За окном — сад. Замечаю дверь в стене — скорее всего, в спальню. Догадка заставляет меня покраснеть. Дверь скрыта за порттьерами из тончайшего прозрачного шелка. Они слегка покачиваются. Серебряные колокольчики, прикрепленные к ним, издают мелодичный звон. В воздухе разлит аромат жасмина.

Служанка стучится в дверь спальни.

— Кто там? — спрашивают изнутри.

Дверь приглушает голос, но не может лишить его красоты. А голос этот очень красив. Он мелодичен, как у менестреля.

Служанка кланяется, хотя, кроме меня, ее никто не видит.

— Вас пришла навестить госпожа Амотеру.

Тишина. Потом раздаются негромкие шаги. Дверь открывается. На пороге стоит совсем молодой парень. Настолько красивый, что я теряю дар речи.

Известный поэт — уроженец Солнечных земель — как-то сказал, что красивое лицо «несет на себе поцелуи луны и воды». Эти слова он поместил в оду о красоте трех наших лун, сияющих над океаном. Помимо лун, поэт воспел красоту двух женщин: своей матери и последней принцессы Фейшенской империи. Если бы поэт дожил до наших дней и увидел того, на чье лицо я сейчас смотрела, он бы распространил свои хвалебные слова и на третьего. Должно быть, луна и вода просто осыпали его поцелуями с ног до головы.

У него черные блестящие волосы, ниспадающие на одно плечо в виде неплотно заплетенной косицы. Мне почему-то кажется, что эти волосы мягки, как шелк. Его оливковая кожа безупречно гладка и светится изнутри. Вокруг него витает слабый аромат ночных лилий: пьянящий и обещающий нечто запретное. Я так зачарована его лицом, что не сразу замечаю, что и там есть отметины, оставленные кровавой лихорадкой. Один его глаз — золотисто-янтарный, словно мед, освещенный солнцем. Второй — изумрудно-зеленого цвета.

Служанка торопливо прощается и исчезает, оставив нас вдвоем. Парень улыбается мне, показывая ямочки на щеках.

— Я так рад встрече с тобою, дорогая Аделинетта.

Он берет меня за руки, потом наклоняется и целует в обе щеки. Я невольно вздрагиваю от мягкости его губ. Его ладони холодны. Длинные тонкие пальцы унизаны золотыми кольцами. Ногти сверкают, будто у какой-нибудь знатной дамы.

— Меня зовут Раффаэле, — уже знакомым мелодичным голосом представляется он.

Я вдруг замечаю, что в спальне мы не одни. Здесь находится еще кто-то. Спальня тускло освещена, но я вижу кровать. Там другой парень, похоже ровесник Раффаэле. Лица я не вижу. Только короткие светло-каштановые волосы. У меня исчезают последние сомнения. Я попала в публичный дом, а Раффаэле — здешний посетитель.

Он замечает мое замешательство, краснеет и опускает глаза. Никогда еще я не видела, чтобы люди так грациозно смущались.

— Прошу прощения. Моя работа часто продолжается до самого утра.

Я что-то бормочу.

Какая же я дура! Посетителем является тот, спящий, а Раффаэле — один из тех, кто их услаждает. *Консорт*. Могла бы сразу догадаться по его лицу. Я раньше не знала о существовании проституток мужского пола. Думала, это чисто женское ремесло. Кто-то из подобных женщин продает себя на улицах и обочинах дорог, кто-то — в публичных домах. И еще я считала это ремесло уделом бедных женщин, не способных по-иному заработать себе на хлеб. Таким не до изысков.

Раффаэле еще раз оглядывается. Убедившись, что его посетитель вновь погрузился в сон, он выходит в гостиную и беззвучно закрывает дверь.

— Дети из богатых торговых семей не любят вставать рано, — говорит он, деликатно улыбаясь, после чего жестом приглашает меня следовать за ним.

Поражаюсь необыкновенному изяществу каждого его движения. Простая ходьба и та

доведена до совершенства. Я ведь тоже из торговой семьи и потому привычно вспоминаю о деньгах. Должно быть, утехи такого красавца, как Раффаэле, стоят очень дорого. Неужели эта роскошная гостиная и двор принадлежат ему?

— Мне несколько непривычно ощущать твои бурлящие силы на столь близком расстоянии, — говорит он.

— Вы это чувствуете?

— Я был первым, кто узнал о твоём существовании.

— Как прикажете это понимать? — мгновенно хмурюсь я.

Раффаэле выводит меня в просторный внутренний двор с журчащими фонтанами. Ветер играет его волосами. Я замечаю, что не все они однородно-черные. Несколько раз среди ночной темноты мелькают сапфирово-синие пряди. Вот и вторая отметина.

— В ночь твоего бегства из дому ты оказалась на центральной рыночной площади Далии.

Я вздрагиваю и сразу вижу лицо отца, мокрое от дождя, и угрожающую улыбку на его искривленных губах.

— Да, — шепотом отвечаю я.

— Энцо на несколько месяцев послал меня в Южную Кенеттру. Искать таких, как ты. Едва приехав в Далию, я сразу же тебя почувствовал. Правда, поток силы, исходящей от тебя, был слабым. Он то замирал, то снова появлялся. Я потратил несколько недель на поиски, пока не узнал, где ты живешь. — Он умолкает, подведя меня к самому большому фонтану. — Увы, я опоздал. Но я все-таки увидел тебя. На рыночной площади. Видел, как ты ускакала, скрывшись за стеной дождя. Естественно, я сразу же известил его высочество.

В ту ночь кто-то действительно следил за мной. Парень, способный на расстоянии чувствовать сверхъестественные способности таких, как я. Это его дар. Я умею создавать иллюзии, Энцо — творить огонь, а Раффаэле — искать подобных нам.

— Вы пополняете ряды Общества Кинжала?

— Да. У меня тоже есть второе имя — Вестник. Поиски — это всегда приключение. Охота, если угодно. Из тысячи мальфетто для наших целей годится только один. Нередко наш потенциальный соратник попадает не к нам, а в руки инквизиции. Таких уже не спасти. Ты первая, кого нам удалось вырвать из их когтей. Прими мои поздравления, — добавляет он, подмигивая мне янтарным глазом.

Жнец. Вестник. Общество людей с прозвищами и скрытыми намерениями. Глубоко вздыхаю, вспоминаю другие имена, густо обросшие слухами.

— Мне никто не сказал, что это место... публичный дом.

— Двор наслаждений, — поправляет меня Раффаэле. — Публичные дома — они для бедняков и тех, кто лишен вкуса.

— Двор наслаждений, — повторяю я.

— К нам приходят послушать музыку, побеседовать, насладиться красотой, посмеяться и проявить остроумие. Мы угощаем наших посетителей изысканными кушаньями и тонкими винами. Они забывают о своих бедах. — Раффаэле застенчиво улыбается. — Иногда за дверями спальни. Иногда в постели.

Эти слова настораживают меня.

— Надеюсь, для вступления в Общество Кинжала мне не надо становиться жрицей любви? — спрашиваю я и поспешно добавляю: — Не сочтите мой вопрос оскорблением.

Раффаэле тихо смеется. Как и все в его облике и манерах, смех тоже доведен до

совершенства. Смех Раффаэле похож на летние колокольчики. Мои тревоги куда-то исчезают. На сердце становится легко.

— Род занятий не всегда говорит о натуре человека. И потом, дорогая Аделинетта, ты еще слишком юна. Никто из Двора Фортунаты не посмел бы принудить тебя к ублажению посетителей... если тебе самой это не по душе.

У меня густо вспыхивает лицо.

Раффаэле ведет меня дальше. Ветер доносит весенние запахи. Похоже, публичный дом... двор наслаждений... стоит на склоне высокого холма. Вскоре моя догадка подтверждается. Я смотрю на город, раскинувшийся внизу, и у меня захватывает дух.

Эстенция.

Купола из красного кирпича и широкие чистые дороги. Прихотливо изогнутые шпили, широкие арки. Узкие боковые улочки, похожие на цветники, увитые плющом. Величественные бронзовые памятники, сверкающие на солнце. На улицах полно народу. Сверху кажется, что люди бессмысленно снуют между домами. По проезжей части катятся повозки, нагруженные бочками и ящиками. Главные площади можно узнать по мраморным статуям двенадцати богов и ангелов. Подножие статуй утопает в цветах. А за всем этим разноцветным великолепием — гавань. Сотни кораблей бросают якоря и поднимают паруса, готовясь отплыть. Грузные галеоны. Юркие, как ртуть, каравеллы. Их белые и коричневые паруса сверкают под ослепительно-синим небом. Здесь можно встретить суда любого государства. Каких только флагов не увидишь на мачтах! Между кораблями снуют длинные гондолы. Издалека доносятся звуки колокола. На горизонте зеленеет цепь островов. За ними — гладь Солнечного моря. А в небе...

Я даже вскрикиваю от удовольствия, глядя, как над гаванью, лениво помахивая крыльями, скользит громадная птица. Чем-то она похожа на океанского ската. Огромные крылья кажутся почти прозрачными. У птицы очень длинный хвост. Всадник на ее спине выглядит крошечной песчинкой. Птица издает протяжный крик, и он разносится над городом.

— Балира! — восклицаю я.

Раффаэле поворачивает голову ко мне. Он делает это с таким величественным видом, что его вполне можно посчитать принцем. Ему нравится моя непосредственность, и он награждает меня улыбкой.

— Думаю, ты часто видела их в Далии. Это ваши основные перевозчики грузов, поскольку дуга водопадов не позволяет подойти кораблям.

— Видела, но не так близко.

— Конечно. У нас тут обширное мелководье. Вода хорошо прогревается, и балиры прилетают летом выводить потомство. Подожди, ты еще вдоволь на них насмотришься.

Я мотаю головой:

— Какой красивый город!

— Только для тех, кто попадает сюда впервые. — Улыбка Раффаэле меркнет. — Должно быть, ты знаешь, что благосклоннее всего боги оказались к Небесным землям. Там лихорадка не свирепствовала, как на Кенеттре. Эстенция понесла колоссальные потери и до сих пор не оправилась. Торговля захирела. На морских путях хозяйничают пираты. Город постоянно беднеет. Люди голодают. А козлами отпущения становятся мальфетто. Не далее как вчера на улице, средь бела дня убили девушку. Поскольку она была мальфетто, инквизиция закрыла глаза на это убийство.

Мое недавнее ликование проходит. Теперь, глядя на город, я замечаю множество заколоченных витрин, нищих, белые плащи солдат инквизиции. Мне больше не хочется любоваться Эстенцией.

— Почти такое же положение и в Далии, — говорю я и, помолчав, спрашиваю: — А где ваши соратники?

Раффаэле ведет меня в угол двора, где есть нечто вроде узкого коридорчика между глухими стенами. Кусты маскируют вход. Сама я бы ни за что не заметила этот коридорчик. Раффаэле проводит пальцами по стене и нажимает на нее. К моему удивлению, в стене беззвучно открывается проход. Оттуда вырывается холодный ветер. Вижу щербатые ступеньки, уходящие в темноту. Только сейчас Раффаэле отвечает на мой вопрос.

— Не думай о них, — говорит он. — Сегодня тебе достаточно моего общества.

Чувствую странное и довольно приятное покалывание в шее. Раффаэле не вдается в подробности, и я решаю воздержаться от дальнейших расспросов.

Мы входим в сумрак. Раффаэле снимает со стены фонарь, зажигает. Теперь к черному цвету добавляется оранжевый. Фонарь светит тускло. Вижу лишь ближайшие ступеньки и складки плаща Раффаэле. Двор наслаждений со множеством тайных мест.

Через какое-то время ступеньки приводят нас к другой глухой стене. Раффаэле и в ней открывает проход. Часть стены сдвигается, но не бесшумно, а с тяжелым стоном. Мы оказываемся в помещении, где довольно светло. Свет падает через решетку в потолке. В его лучах кружатся пылинки. Сама решетка покрыта мхом. В углу стоит стол, густо заваленный картами и свитками пергамента. Тут же странный механизм, показывающий положение лун, и раскрытые книги с картинками. В помещении прохладно и сыро.

Раффаэле подходит к столу и разгребает свитки.

— Тебе нечего бояться, — говорит он.

И от этих слов я неожиданно напрягаюсь:

— Зачем вы привели меня сюда? Чем мы будем здесь заниматься?

Не глядя на меня, Раффаэле молча выдвигает ящик и достает оттуда разнообразные камни. Правильнее сказать, не камни, а самоцветы, но такие, что еще не успели побывать в мастерской ювелира. Никто не придавал им форму и не полировал их граней. Нечто подобное я видела у уличных предсказателей судьбы. Только у них не самоцветы, а обычные раскрашенные камешки. За пару медных лунсов эти шарлатаны охотно предскажут вам судьбу. Взрослых им обмануть сложнее, а вот дети частенько попадают на удочку.

— Вы предлагаете мне сыграть в какую-то игру? — осторожно спрашиваю я.

— Не совсем. — Раффаэле закатывает рукава. — Прежде чем стать одной из нас, тебе нужно пройти ряд испытаний. Сегодня — первое.

— И что это за испытание? — Я стараюсь не показывать волнения.

— Каждый, кто принадлежит к Молодой Элите, обладает тем или иным необычным качеством. Сверхъестественной силой, как говорят невежественные люди. У каждого из нас есть свои сильные и слабые стороны. Некоторые отличаются телесной мощью и храбростью. Иные — мудростью и умением логически рассуждать. Есть и те, кто управляет страстью. — Раффаэле бросает взгляд на самоцветы. — Сегодня мы попытаемся выяснить твои особенности. Узнать, какие именно силы связывают тебя с миром.

— А зачем нужны эти камни?

— Мы дети богов и ангелов. — Раффаэле мягко улыбается. — Говорят, самоцветы — следы рук богов, прикасавшихся к земле во время ее сотворения. Каждый камень

откликается на определенный вид силы, преобладающей в человеке. Их волшебные свойства проявляются, только когда они не обработаны. — Раффаэле берет со стола один из драгоценных камней, прозрачный с неровными краями. — Алмаз, например. — Положив камень на стол, Раффаэле берет другой, с голубоватым отливом. — Это веритий. Это празем, или зеленый кварц, лунный камень, опал и аквамарин. А это ночной камень. — Он достает их один за другим и кладет на стол. Двенадцать камней разного цвета, и все они сверкают в неярких лучах солнца. — Каждый связан с богом или ангелом. Голос одних камней ты услышишь отчетливее. Какие-то, возможно, будут молчать.

От слов Раффаэле моя тревога лишь усиливается. Мне что-то очень не по себе.

— А почему вы сказали, что мне нечего бояться?

— Потому что сейчас у тебя появятся очень странные ощущения.

Раффаэле жестом велит мне выйти на середину комнаты. Я повинуюсь. Он берет с собой камни и принимается старательно выкладывать их вокруг меня.

— Не противься никаким ощущениям. Прими их и позволь потокам силы течь сквозь тебя.

Нехотя я киваю.

Раффаэле завершает круг. Я поворачиваюсь на месте, поочередно оглядываю каждый камень. Мне становится все любопытнее. Раффаэле отходит, смотрит на меня, потом застывает со скрещенными руками.

— А теперь расслабься. Очисти ум от всех мыслей.

Я медленно и глубоко вдыхаю, попутно стараясь освободиться от мыслей.

Тишина. Ничего не происходит. Утихомириваю свои мысли, стараясь думать о спокойно текущей воде, о ночном безмолвии. Раффаэле опускает голову и едва заметно кивает.

И тут я начинаю ощущать покалывания в руках и затылке. Взглянув на круг камней, вижу: пять из них светятся изнутри малиново-красным, белым, голубым, оранжевым и... черным светом.

Раффаэле медленно огибает меня. Его глаза сверкают от изумления. Его движения напоминают хождение хищника вокруг жертвы, особенно когда он пропадает из поля зрения моего единственного глаза. Чтобы следить за ним, я вынуждена поворачивать голову. Носком своего изящного башмака Раффаэле отпихивает все камни, которые не светятся. А пять светящихся осторожно кладет на стол.

Алмаз, розеит, веритий, янтарь, ночной камень. Я кусаю губы: мне не терпится узнать, что означает эта пятерка.

— Хорошо, — произносит Раффаэле. — А теперь внимательно посмотри на алмаз.

Раффаэле замирает. Пристально смотрит на меня. Его взгляд спокоен, руки свисают, как у марионетки. Пространство между нами начинает наполняться жизнью. Я стараюсь сосредоточиться на камне и унять дрожь.

Раффаэле наклоняет голову.

Я шумно втягиваю воздух. Что-то сильное и легкое устремляется ко мне, угрожая сбить с ног. Я прислоняюсь к стене. В мозгу вспыхивает воспоминание. Его картины настолько яркие, что кажется, будто я не вспоминаю, а проживаю события прошлого.

Мне восемь лет. Виолетте — шесть. Мы выбегаем встретить отца, вернувшегося из Эстенции. Его не было дома целый месяц. Он со смехом подхватывает Виолетту на руки и кружится с ней. Сестра вопит от радости. Я стою рядом... В тот же день я зову ее побегать между деревьями. Нарочно выбираю путь, где полно камней и ямок. Виолетта лишь недавно

поправилась — у нее была простуда — и еще слаба для таких забав. Когда она спотыкается о корень, падает и обдирает себе колени, я не мчусь к ней на помощь. Я бегу, бегу дальше, до тех пор, пока не сливаюсь с ветром. Мне не нужно, чтобы отец меня кружил. Я так могу летать. Вечером я смотрю в зеркало на безглазую половину своего лица, на пряди серебристых волос. Затем хватаю тяжелую щетку для волос и разбиваю зеркало на мелкие кусочки.

Воспоминание меркнет. Сияние внутри алмаза на мгновение вспыхивает, затем тоже меркнет. Я вздрагиваю, судорожно глотаю воздух. События восьмилетней давности вызывают у меня изумление и чувство вины.

Глаза Раффаэле широко открываются и тут же превращаются в узкие щелочки. Он смотрит на алмаз. Я тоже смотрю, ожидая, что камень вспыхнет каким-нибудь другим светом. Ничего. Я по-прежнему где-то далеко от этой подземной комнаты. Раффаэле внимательно смотрит на меня и говорит:

— Это камень Фортуны, богини процветания. Алмаз показывает твое честолюбие и стремление к власти. Оба эти качества живут внутри тебя. А теперь, Аделина, подними руки в стороны.

Я медлю. Раффаэле ободряюще улыбается. Тогда я поднимаю и развожу руки. Раффаэле убирает алмаз и заменяет его веритием, который ярко светится. Он смотрит на меня, затем протягивает руку и словно бы пытается ухватиться за что-то невидимое. У меня возникает противоположное ощущение. Кажется, кто-то хочет отпихнуть меня в сторону, чтобы добраться до моих тайн. Инстинктивно сопротивляюсь. Веритий вспыхивает красивым голубым светом.

Новое воспоминание.

Мне двенадцать. Мы с Виолеттой сидим в нашей библиотеке. Я читаю ей из красочной книги, где описываются разные цветы. И сейчас помню похрустывание страниц тонкого пергамента и мастерски сделанные рисунки. «Розы такие красивые, — по-детски вздыхает сестра, любуясь картинками. — Как ты». Я молчу. Вскоре Виолетта идет играть с отцом на клавикордах, а я отправляюсь в сад, к кустам роз. Внимательно смотрю на лепестки этих капризных цветов, потом перевожу взгляд на скрюченный сустав безымянного пальца, который отец сломал мне несколько лет назад. Повинуясь странному порыву, вдруг хватаюсь за стебель розы. Ее шипы вонзаются мне в ладонь. Я стискиваю зубы и еще сильнее сжимаю стебель в ладони. «Ты права, Виолетта», — думаю я. Потом разжимаю пальцы и изумленно смотрю на окровавленную ладонь. Шипы тоже стали ярко-красными. «Боль усиливает красоту».

Воспоминание меркнет. Ничего больше не происходит. Раффаэле велит мне обернуться. Я поворачиваюсь и вижу слабое голубое мерцание верития. Камень не только мерцает. Он издает тихий звук, как будто переломили флейту.

— Веритий — камень Сапиентуса, бога мудрости, — говорит Раффаэле. — Тебя привлекает знание истинной сути людей. Ты достаточно любознательна и любопытна.

Раффаэле берет розеит и просит меня тихо напеть какую-нибудь мелодию. Я начинаю мурлыкать себе под нос и сразу же ощущаю покалывание в горле. Оно мешает мне петь. Камень на несколько секунд вспыхивает ярко-красным светом, затем дает россыпь внутренних искр. Перед мысленным взором появляется новое воспоминание.

Мне пятнадцать лет. Отец устроил для нас с Виолеттой что-то вроде смотрин и пригласил нескольких потенциальных женихов. Виолетта держится застенчиво. Ее губки

сложены в очаровательно-глуповатую улыбку. «Мне противно, когда они смотрят на меня, — часто говорит сестра. — Но ты, Аделина, должна попробовать. Вдруг тебе повезет». Я гляжу на ее отражение в зеркале и надеваю ей ожерелье, чтобы оно подчеркнуло ее совсем юные маленькие округлости. Волосы сестры локонами разметаны по плечам. Решаю оставить их в таком виде. За обедом мужчины восхищаются ее красотой. Они посмеиваются и чокаются, поднимая тост за мою сестру. Решаю последовать примеру Виолетты. Я улыбаюсь и кокетничаю с гостями, прилагая к этому все свое умение. Замечаю голод в их глазах. Они беззастенчиво пялятся на мою грудь. Да, гости хотят меня, но не в качестве жены. Один из них шутит: когда я выйду в сад погулять, он подкараулит меня и зажмет в укромном уголке. Я смеюсь вместе с ним, а сама представляю, как подмешиваю ему в чай отраву, потом смотрю, как его лицо становится багрово-синим и он начинает задыхаться. Дальше я вижу, что склоняюсь над ним, подперев рукою подбородок и считая минуты, оставшиеся до его смерти. Виолетта не рисует себе таких картин. Она мечтает о счастье и любви. Она полна надежд и радостных ожиданий. Виолетта пошла в маму. Я — в отца.

И снова воспоминание исчезает. Я смотрю на Раффаэле. Вижу, он чем-то обеспокоен и в то же время ему интересны эти опыты со мной.

— Розеит — камень Амаре, бога любви. Розеит говорит о том, что человек соединяет в себе страсть и сострадание. Порою весьма непостижимым образом.

Наконец Раффаэле берет янтарь и ночной камень. Янтарь испускает красивое золотисто-оранжевое сияние. Ночной камень угрюмо молчит. Внешне он резко отличается от остальных. Солнце тускло и как-то уныло блестит на его поверхности.

— Что мне делать с этими камнями? — спрашиваю я.

— Подержать в руках.

Раффаэле берет мою левую руку. Я краснею, чувствуя бархатистость его кожи и нежность пальцев. Когда он дотрагивается до моего искалеченного безымянного пальца, я вздрагиваю и отстраняюсь. Раффаэле внимательно смотрит на меня, однако не спрашивает, почему я так странно себя повела. Кажется, он и так все понимает.

— Все будет хорошо, — тихо уговаривает меня Раффаэле. — Раскрой ладонь.

Я повинуюсь, и он осторожно кладет в мою руку ночной камень. Мои пальцы сами собой сжимаются.

Еще через мгновение меня сотрясает волна слепой ярости. Раффаэле отскакивает в сторону. Я вскрикиваю и падаю на пол. Темные силы, что шептали в дальних углах разума, вырываются из своих клеток. Снова вихрь воспоминаний о прошлом. Жутких воспоминаний, которые я тщательно подавляла, стараясь не выпускать наружу... Отец ломает мне палец... отец кричит на меня... бьет... забывает, что у него две дочери... Ночь под дождем. Грудь отца, пробитая конскими копытами... Долгие ночи в подземной тюрьме инквизиции... Бесцветные глаза Терена... Толпа на площади, ждущая моей смерти... Камни, летящие на эшафот... Чугунный столб.

Я плотно зажмуриваю единственный глаз и затыкаю уши, делая отчаянные попытки остановить эту лавину. Но она становится только неистовее. Ощущаю завесу тьмы, собравшуюся затянуть меня в свои глубины. Книги и свитки летят со стола. Стекло в фонаре Раффаэле разлетается вдребезги.

Хватит! Хватит! ХВАТИТ! Я готова уничтожить все, только бы прекратился мой собственный кошмар. Я уничтожу вас всех! Сжимаю зубы. Внутри меня бьется ярость, наконец-то получившая шанс вырваться наружу. Сквозь этот вихрь я слышу хриплый шепот

отца: «Кому еще ты нужна? Никто и никогда не предложит тебе лучшей участи, чем эта».

Моя ярость нарастает. «Настанет день, и все они будут ползать у моих ног, соперничая из-за моего благосклонного взгляда. Пусть убивают друг друга. Меня это только позабавит».

Крики затихают. Голос отца тоже исчезает. Остается лишь дрожащий отзвук его слов. Я лежу на полу. Мое тело сотрясается от недавней вспышки гнева. Лицо стало мокрым от слез. Раффаэле не торопится ко мне подходить. Мы долго смотрим друг на друга. Потом он все-таки приближается и помогает мне встать. Жестом показывает на стул. Я с благодарностью сажусь, наслаждаясь внезапно снизошедшим на меня ощущением покоя. У меня ослабли все мышцы, словно я карабкалась на гору. Голова то и дело клонится вниз. Отчаянно хочется спать. Все силы, накопленные за эти дни, унеслись, будто их и не было.

Проходит еще несколько минут. Раффаэле кашляет, чтобы привлечь мое внимание.

— Формидита, ангел страха. И Кальдора, ангел ярости. Ангелы-близнецы, — шепчет он. — Янтарь выявляет ненависть, скрытую внутри человека. Ночной камень — это порождение тьмы — пробуждает силу страха. — Он умолкает, словно решая, говорить ли дальше. — Твое сердце глубоко пропитано чем-то темным и горьким. И это вызвано не событиями последних недель. Темнота и горечь поселились в твоём сердце давно. Очень давно. Как будто кто-то намеренно взращивал их в тебе и заботливо поливал. Никогда еще я не сталкивался с чем-то подобным.

Кто-то? Я точно знаю кто. Мой отец. Я вздрагиваю, вспоминая жуткие иллюзии, ответившие на мой зов. В углу комнаты вижу затаившийся призрак отца. Прячется за стеной плюща. «Его здесь нет, — убеждаю я себя. — Это всего лишь иллюзия. Он давно мертв». Но я вижу его силуэт. Он ждет меня. От него веет холодом.

Чтобы Раффаэле не подумал, будто я свихнулась, поспешно отворачиваюсь.

— Что... Что это значит? — хриплым, не своим голосом спрашиваю я у него.

Раффаэле ограничивается сочувственным кивком. Похоже, он не настроен говорить об этом. Мне хочется поскорее уйти.

— Посмотрим, как Энцо отнесется ко всему этому. Направление твоей учебы зависит от него, — произносит Раффаэле. Чувствуется, он предпочел бы вообще молчать. — Возможно, тебе понадобится некоторое время, чтобы стать членом Общества Кинжала.

— Постойте, господин Раффаэле. Я что-то не понимаю ваших слов. Я думала, что уже вошла в ваши ряды. Разве не так?

Раффаэле скрещивает руки на груди:

— Не так. Мало обладать особыми силами. Нужно еще уметь ими управлять. В Общество Кинжала входят те, кто это умеет и кто в любой момент может призвать подвластные им силы. Подобное умение не приходит само собой. Оно требует усердия и постоянных упражнений. Помнишь, как Энцо управлял огнем, спасая тебя? Ты должна стать повелительницей своего дарования. Уверен, что и ты достигнешь необходимого мастерства.

Я настораживаюсь:

— Если я еще не принята в Общество Кинжала, то кто я сейчас? Что будет со мной дальше?

— Ты считаешься ученицей. Мы должны убедиться, что сможем должным образом тебя подготовить.

— А если у меня не получится стать такой, какой вам надо?

Глаза Раффаэле, еще недавно такие теплые и участливые, темнеют, делаясь пугающими.

— Года два назад мне повстречался юноша, умевший вызывать дождь. Он показался мне

смышленным и понятливым. Мы возлагали на него большие надежды. Начали его учить. Прошел год, но он так и не смог научиться управлять своим дарованием. Думаю, ты слышала о страшной засухе в Северной Кенеттре?

Я киваю. Отец тогда проклинал подскочившие цены на вино. До нас доходили слухи, что в Эстенции забили на мясо сотню племенных лошадей. Их было нечем кормить. Какие тут лошади, когда люди сплошь и рядом голодали? Начались голодные бунты. Король приказал инквизиции нещадно их подавлять. Счет убитых шел на сотни.

Раффаэле вздыхает:

— Увы, засуха явилась не сама собой. Этот парень создал ее случайно, а потом не смог остановить. Самообладание изменило ему, он поддался панике и впал в отчаяние. Разумеется, народ во всем винил мальфетто. Храмы сжигали их у столба, надеясь, что эти жертвы умилоствят богов и те пошлют дождь. Нерадивый вызыватель дождя повел себя весьма глупо. Он то пытался вызвать дождь прямо на рыночной площади, то ночью пробирался в гавань, намереваясь почерпнуть силу от морских волн. Энцо был сильно недоволен им. Тот, кто не в состоянии управлять своей силой, становится угрозой для всех нас. Ты дочь негоцианта и, наверное, с детства слышала, что все имеет свою цену. Мы не приют для мальфетто. Пойми меня правильно, Аделина. Держать тебя у нас, кормить, одевать, предоставлять безопасный кров, учить тебя... все это стоит не только денег, но и времени и сил. А главное — это всегда стоит нам нашего имени и репутации в глазах тех, кто в нас верит. Каждый ученик — наше вложение. С каждым мы идем на определенный риск. Иными словами, ты должна *доказать*, что стоишь затраченных средств. — Раффаэле умолкает и берет меня за руку. — Не хочу тебя пугать, но и не собираюсь скрывать от тебя, насколько серьезно мы относимся к нашей миссии. Это не игра. В нашей цепи не должно быть слабых звеньев. Особенно в стране, власти которой спят и видят нас уничтоженными. — Его пальцы сильнее сжимают мне запястье. — Я сделаю все, что в моей власти, чтобы ты стала надежным звеном.

Раффаэле искренне старается меня утешить. Но я умею слушать между слов и потому понимаю все, о чем Раффаэле молчит. Они будут пристально следить за мной. Я должна как можно быстрее показать Энцо и всем остальным, что могу управлять своей силой, не допуская досадных и опасных случайностей. Если я этого не сумею, меня не просто вышвырнут за пределы Общества Кинжала. Я видела их лица. Я знаю, где они помещаются и к чему стремятся. Знаю, что Общество Кинжала возглавляет наследный принц Кенеттры. Иными словами, я знаю слишком много. Слабое звено в мире, который стремится уничтожить таких, как я. А слабые звенья опасны.

Если я не выдержу их испытания, со мной поступят так же, как, скорее всего, они поступили с виновником засухи. Меня попросту убьют.

Полночь. Весь Двор Фортуны спит. Раффаэле один сидит в своей спальне, листая тонкий пергамент книги о лунах и морских приливах. Он не столько читает, сколько ждет. Наконец раздается негромкий стук в дверь. Раффаэле мгновенно встает. Его расшитые шелковые одежды отражают пламя свечей. Неслышно ступая, он идет к двери и впускает посетителя. Входит Энцо, шелестя полами черного плаща. Вместе с ним в комнату проникает запах ветра, ночи и смерти. Раффаэле почтительно кланяется.

Энцо плотно закрывает дверь.

— Башня Бурь, — шепотом произносит он. — Сведения подтвердились. Редкое зрелище: король и королева появятся вместе. Нам представляется отличный шанс сразу избавиться от обоих.

— Прекрасно, — кивает Раффаэле.

Энцо смотрит на него и хмурится:

— У тебя усталый вид. Ты не болен?

Сегодняшний клиент Раффаэле давно ушел.

— Я вполне здоров.

— Видел сегодня Аделину?

— Да.

— И что можешь сказать о ней?

Раффаэле подробно рассказывает о проведенном испытании. О том, как держалась Аделина, общаясь с каждым камнем. Потом говорит о ее особом притяжении к янтарю и ночному камню. Опасения Раффаэле подтверждаются: Энцо щурится. Признак интереса. За эти годы он разыскал для наследного принца немало мальфетто, имеющих дарования. Однако никто не показал такую силу честолобивых устремлений, как Аделина. Алмаз — камень Энцо. Раффаэле умалчивает, что сила Аделины подействовала на него так же опьяняюще, как и сила самого принца.

— Страх и ярость, — задумчиво произносит Энцо, и его глаза вспыхивают. — Что ж, это главное.

Раффаэле неслышно втягивает воздух.

— Ты уверен, что тебе это надо? — осторожно спрашивает он.

Руки Энцо держит за спиной.

— Что посоветуешь?

— Избавиться от нее. Немедленно.

— После стольких усилий ты предлагаешь мне ее убить?

Голос Раффаэле полон сочувствия, но тверд.

— Энцо, ты сам любишь повторять, что у нас не приют для мальфетто. Все ее воспоминания густо пронизаны тьмой. Это говорит о повреждении разума. С ней что-то не так, причем очень крупно. Странно, что ее силы не проявились еще в детстве. Аделина только сейчас начинает ощущать свой дар. Сила мощная, но настолько искаженная и перекрученная, что меня это настораживает. Она еще не вошла во вкус. Вскоре ей захочется сполна распоряжаться своим дарованием. Не берусь судить, как она выдержит наше обучение.

[Купить полную версию книги](#)